

Золотые купола

Иль Дар

Иль Дар
Золотые купола (сборник)

«Э.РА»

2013

Дар И.

Золотые купола (сборник) / И. Дар — «Э.РА», 2013

Наверно, редкий человек сегодня не замечает, как меркнут в нашей жизни простые общечеловеческие ценности – дружба, участие, благородство, уважение, и как расцветают – малодушие, тщеславие, стяжательство, подлость, обман. Как так случилось, что за каких-то два десятилетия мир внутри нас так изменился? Эта книга ориентирована на читателей разного возраста и предназначена для семейного чтения.

Содержание

Вдовый дом	5
Золотые купола	8
Золотые купола	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Иль Дар

Золотые купола

Вдовый дом

Шахтёрский посёлок... Двухэтажный, бревенчатый дом на два подъезда... Он был до того старый, что уже по документам нигде и не числился вовсе, а значился уже снесённым. И, тем не менее, в нём всё ещё живут люди. До них нет никому дела. И соответствующие организации, согласно документам, дома в упор не видели.

Фундамент под ним искрошился. Верхние брёвна ещё как-то крепились, но, ткнув шилом в нижние, легко загоняешь его по самую рукоять. Сгнили. Иное бревно по стене уж довольно сильно выпирало в сторону. Окна потеряли симметрию. Дом просаживался каждый год, и обитателям его приходилось каждым летом мазать щели и подрубать перекосы после усадки, после чего удовлетворяться вновь ладно входящими в косяки дверьми. Дом стонал. Живущие в нём нередко слышали, как вдруг где-то в стенах что-то скрипело и потрескивало, словно старый человек ворочался в неудобстве – кряхтел, кряхтел, устроился поудобней и притих в сладкой истоме.

В былые времена он был построен совсем не в поселке – дом стоял в другом месте, неподалёку от шахты. Удобства! Вышел за порог, прошёл сто метров, и ты на работе. Потом место, где он стоял, попало в зону обрушения. Раскатали по брёвнышкам и перенесли в посёлок рядом, что в двух километрах от шахты. Теперь тут стоит. Дождется, когда его черёд подойдёт век свой заканчивать. Давно уже его время прошло. Да и, опять же, как уже сказано, никому не было до него дела.

Перед домом скамья. Две пожилые женщины, пенсионерки – Лиза и Вера. Разговаривают:

– Ноги уж совсем шёй-то покоя не дают, – жаловалась Лиза, – денно и ночью ноють, ломють, будь они не ладны. Как погода на смену, так оно совсем того... хоть волком завой.

– Танька Ползункова так же маялась со своими ногами, из дома уж не выходила, сейчас вон и в магазин ходит, – Вера махнула рукой за спину на гору. – Поднимись-ка потом до дома... Неблизко живёт, аж на самом верху... Ничего... Ходит.

– Ак это щё, щем мазала она нет-ли?

– Сабельник, говорит, пьёт, – отрицательно качала головой Вера. – Настаивает на чём-то... Говорила... Я позабыла – на чём... – Она помолчала, и добавила: – Ещё массаж каждый день сама себе делает.

Вера говорила с растяжкой, замолкала и продолжала. Казалось, что её мысли были заняты совсем другим.

В этот момент из подъезда вышла их соседка – грузная, высокая баба, подвязанная цветным платком. По обыкновению, она всегда ходила в галошах и трико. Колени на трико были вытянуты. Серая роба тесно сидела на ней, растягиваясь на пуговицах в грудях. В одной руке её было ведро. Грузно шагая, соседка шла мимо. Она считалась старшей посёлка, но в посёлке таковой её никто не считал, кроме, пожалуй, только её самой. То была крикливая, взбалмошная баба, сующая свой нос везде, где только можно было. Она сначала остановилась напротив соседок, затем повернулась всем телом к ним и только после этого заговорила:

– Вчерась вон, твой внук за моим сараем... – тут она вдруг замолчала и неожиданно начала с другого: – Слышу, чтой-то чиркает за сараем, выхожу, глядь – спичками чиркает, паршивец этакий, прикуривает. Ну, я ему и показала, как курить. Мал ещё, соску-то сосать. Взяла палку и погнала его, – махала она кулаком. – Пожжет же сарай! У меня ж скотина там. Ты,

Вера, коль приваживаешь их, так уж будь, милая моя, посматривай за ними, – с недовольством в приказном тоне говорила она.

Вера брезгливо пожала плечами и тоном на тон отвечала:

– Ты, Наталья, за своим сыном лучше посматривай. Не ровен час, скорее твой нас сожжет, чем мой. Твой вечно пьяный да с сигаретой, диван вон у него уже горел. Тушили...

И указкой тут не ходи, без тебя разберёмся. Не твоё это дело, – бросила она оскорблено. Лиза помалкивала.

– Как это не моё! – возмутилась она, делая шаг вперёд. – Очень даже моё. Меня старшей посёлка выбрали. И если что не так...

Когда старшего посёлком выбирали – никто не захотел им быть. Кому это нужно – суетиться, что-то делать. Ей это общественное поручение тогда с облегчением спихнули. А она-то рада-радешенька – при должности, начальствовать доверили!

– Иди давай, Наталья, – перебила она её, – слушать тебя смешно: старшая посёлка... если что не так... да кто тебя слушает! Толк-то от тебя какой? Крик один...

Старшая посёлка захлебнулась возмущением.

– Куда иди, куда иди?! – не унималась она. – Вот ты послушай меня! – навязывалась она.

– Иди давай, коровам хвосты крути. Ими командуй! – отмахнулась Вера. – Даже говорить с тобой не хочу.

И, не желая дальше вести разговор, отвернулась.

Старшая посёлком ещё несколько минут пыталась разговаривать Веру, но её никто не слушал. Вера нарочито разговаривала с Лизой и не обращала на неё внимания. Будто её рядом и вовсе не было. Это ещё больше раздражало крикливую поселковую главу. Через какое-то время ей это надоело. Недовольно размахивая свободной рукой, она пошагала к сараям.

– Вот же баба, – уже в спину уходящей скандалистке взорвалась Вера, когда её уже не было слышно, – ни стыда, ни совести. Сколько лет знаю её, ни разу без претензий мимо не ходила. Хоть бы раз у кого здоровьем поинтересовалась.

– Ваську своего в гроб загнала, – вставила Лиза.

– У-у-у! – протянула Вера. – Жил, она из него из живого тянула – дай Бог. Васька бедный покоя не знал. Худюшай-то был, сухостойный... довела! В могиле только, наверное, с облегчением вздохнул.

– Ага-ага, – энергично кивала бабка Лиза, – сверлила его денно и ночью.

Они помолчали.

– Гляди-ко, от ведь, и Вадима Роза на днях схоронила, – в сердцах вздыхала Лиза.

– Вот же мужик был! Без работы не мог, всю пенсию работал, плотничал, – с уважением отмечала Вера. – Вон, какую детскую площадку сделал и беседку.

– Пока силы были, всё щей-то мастерил, – согласно кивала Лиза, – от ведь – рак-то, ак косою скосил. Три месяца тому назад ещё ходил.

– Жизнь не бесконечна. Все там будем, – отвечала Вера. – Он же был шахтёр. Их Бог рано подбирает. Сколь лет под землёй... Семьдесят ему было, – она качала головой, с чем-то своим соглашаясь. – Оно ж немало... Мой вон Николай – тоже в шахте... Моложе был. Раньше ушёл.

– Ак, смотри-ка, никого уж из отцов в доме-то и не пооставалось! – вдруг воскликнула открытием Лиза. – Сыновья одни. Витька вон только, Танькин мужик, самый старший, так и тот ещё не на пенсии. За пятьдесят ему только-то, старше никого нет уж.

– Так и молодёжи кот наплакал. Сашка, мой Серёжка, и вот, две квартиры квартиранты снимают. Ещё Светкин муж. Так квартиранты не в счёт. Сегодня они здесь, завтра нет. Не жители дома. Вот и считай – трое только. Остальные вдовы. Все мужиков пережили. Сколько ж нас? У-у-у! – протянула Вера. – Семь баб на двенадцать квартир. Помнится раньше – при мужиках да компаниями... По вечерам у дома... Соберёмся... ребяшня в игры играет, мужики в карты или домино... одной семьёй жили. Были времена.

Мечтательно закатила она глаза к небу.

– Сядем за стол, до темноты в лото бочонки трясём, выкрикиваем.

– Уточки, дед, барабанные палочки! – в молодецком восторге воскликнула Лиза.

– Теперь уж даже и столов-то нет, те погнивали, новые не ставят... Никому не нужно.

Две женщины сидели и улыбались. Перед ними как наяву всплывали счастливые дни былых времён. Они молчали и улыбались, провалившись в прошлое... Вспоминали... Вера вспоминала Николая. Лиза – Фёдора. И их охватило такое глубокое счастье тех прекрасных дней, что и сами не поняли, сколько они так просидели... Доброе воспоминание на старости – счастье. И они были счастливы.

Лиза вспомнила, как она впервые увидела Фёдора. Ей было только семнадцать. Он пришёл с армии. Моряк. Брюки клёш. Бескозырка. Грудь колесом. Девчонки с намерением на пути становились. Прохода не давали. Вечерами его гитару на весь посёлок слышать. Запоёт... Заиграет... Так тут девки совсем головы теряли. Лиза скромно, всегда в сторонке была... Её выбрал. Так всю жизнь и прожили.

...Николай долго Веры добивался. Цветы на подоконник клал по ночам. Заберётся по водосточной трубе к окну на третьем этаже в общежитии, положит и – обратно. Вера месяц не могла понять: от кого цветы. На него не думала. Не был он шепутным и хулиганистым. Нравился он ей, но уж тихоня какой-то был. А, как узнала, что его рук это дело, так и сдалась...

Сидели две женщины и обе чему-то улыбались. Счастливые...

Лиза первая как опомнилась, глубоко и с чувствам вздохнула. На глазах её блестели капельки влаги.

– К Ползунковой-то надо сходить, – вытерла она краем платка глаза и стала потирать ладонями колени. – Правду говоришь, давеча я её в магазине видела. Может, доброе что посоветует...

Солнце уже стояло во второй половине дня. В такое время оно заходило за соседний дом. Они оказались в тени. Стало прохладно.

Женщины встрепнулись.

– Пойдём давай, время уже, – говорила Вера. – Скоро Серёжка с работы придёт, кормить надо. Горячим. Греть пойду.

– Ага-ага, пойдём, – согласилась бабка Лиза, – и у меня Андрюшка тоже может после работы по пути заехать.

Бабки встали и не торопясь скрылись в подъезде. Открылась дверь на первом этаже. Скрипели половицы на второй этаж.

– Ты к Ползунковой-то сходи, не забудь, рецепт-то видать хороший.

– Завтра уже поутру пойду... – слышалось из чёрной глубины подъезда.

Хлопнули двери. Одна. Вторая. Наступила тишина.

Дом продолжал жить.

Золотые купола

...Бой проходил с переменным успехом. Оба спортсмена были способными ребятами; оба проводили серии ударов; оба навязывали свою тактику; и оба сталкивались с глухой защитой противника. Для Дмитрия Холодова этот боксёрский поединок значил очень много, с победой он получал первый разряд. К концу второго раунда преимуществом не мог похвастать ни один из соперников. Звучит гонг. Остался последний раунд.

– Он устал, открывается, опускает руки, лови его на прямой встречный правой, – негромко наставлял тренер.

Дмитрий, тяжело дыша, кивал головой.

– Сам что делаешь? Пол раунда руки болтались. Закрывайся, жди от него его коронный левый крюк. Если он его проведёт, считай – разряда тебе не видать, как собственных ушей.

Холодов молча кивал головой. Тренер дал ещё ряд наставлений и напоследок проговорил:

– Проигрывает тот, кто соглашается. Согласись, что он сильнее, и ты проиграл.

Грянул гонг.

– Всё, давай, соберись! – хлопнул он его по плечу.

Дмитрий тот бой выиграл. Он встретил противника прямым правым, вовремя заметив опускающиеся руки соперника. В какой-то миг ему хватило доли секунды, чтобы присесть, резко спружинить и, опираясь на всю ступню и распрямившуюся ногу, жёстко, всей массой своего тела нанести мощнейший удар в челюсть. Соперник поплыл и через секунду рухнул на ринг. Считать было бесполезно. Дмитрий не был согласен, что соперник сильнее. Это был последний бой Холодова.

...Спустя месяц Алексей сидел в старом, потрепанном кресле в своём тренерском кабинете и курил сигареты одну за другой. Пепельница уже давно была битком набита окурками, однако ж он этого не замечал и освободить не удосуживался. Дым в комнате стоял коромыслом – в пору хоть топор вешать...

Через неделю суд. Дмитрия осудят. Алексей много общался с этим детдомовским парнем. Бывало, что и в дом к себе приглашал, как бы между прочим пообедать предлагал, доставал из холодильника всё самое вкусное, то, что вряд ли мог видеть парень в детском доме. Дмитрий в такие моменты очень смущался, однако же отказать не смел. В ответ случалось и так, что тренер получал далеко не детские откровения. Алексей в такие моменты делал выводы из своих наблюдений. Ему ясно виделось, что дети, лишённые детства в нормальном понимании этого слова, как бы ни было это прискорбно, просто-напросто минуют его и рано начинают думать по-взрослому, обременённые недетским вопросом: как выживать в этом нашем эгоистичном мире с первых шагов жизни самим.

Однажды в доме Алексея, в большой комнате, в то время, пока его жена готовила ужин, они с Дмитрием, провалившись в огромные велюровые кресла, пили кофе.

– Как это странно, – говорил Дмитрий, – я у кого-то читал, что мысль материализуема, я тогда согласился с этим. Всё-таки мысль родила каменный топор, паровоз, компьютер. Но на себе я испытал эту самую материализацию впервые. Лучше даже будет сказать, впервые обратил на это внимание.

– О чём ты? – спросил Алексей, не понимая.

– О недавнем поединке, – мотнул он головой, – если бы вы мне не сказали тогда той последней фразы, я бы не выиграл бой. За два раунда меня охватило такое отчаяние и бессилие, что я готов был отдать бой, лишь бы всё быстрее закончилось. И эта мысль – не соглашаться, дала мне сил и материализовалась в первый разряд. Чёрт побери, даже самому приятно! – помотал он довольно головой. – И то – я только через несколько дней это понял.

Тренер с неподдельным вниманием смотрел на Холодова. «Немного участия, и из него выйдет достойный уважения гражданин», – думалось Алексею.

– Можно и по-другому сказать, – Дмитрий со всей своей присущей ему любознательностью с интересом уставился на тренера. Тренер продолжал: – Ошибается чаще тот, кто соглашается; реже тот, кто отстаивает свою точку зрения. В жизни ох, как часто приходится держать удары судьбы! И поверь мне: они гораздо больше ударов на ринге. Шрамы от них не заживают. Разве можно поверить, что чьё-то мнение – верно, даже если оно кажется правдоподобным? Кто может гарантировать его обдуманность до конца? И уж тем более глупо применять его к себе. Если уж и ошибаться, то по своей вине и велению сердца. В ответ же ошибка даст ценный опыт. Свой опыт, из шрамов, чем он и ценен.

Дмитрий с жадностью внимал каждому сказанному тренером слову. Он уже давно определил для себя в тренере редкий дар наставника, способного одним словом разрешить любую сложную ситуацию. Из каждого разговора с ним он извлекал какой-то урок – это замечал уже не в первый раз. Тренер же видел стремление юноши к познаниям и старался дать хоть толику того, что знает, чувствует и понимает сам.

– Есть ещё одно маленькое моё наблюдение, – говорил он, – которое, как мне кажется, во многом определяет жизнь честного человека. – Предав себя однажды, легко предашь потом и друга. – Он на секунду замолчал и заговорил вновь: – Если держать это в сердце, всегда помнить о них, то жизнь сама тебе протянет руку и будет во всём помогать...

... Душой прилип тренер к парню и никак не мог смириться с тем, что сейчас происходит. Своим опытом педагога и психолога Алексей чувствовал, что если и есть вина парня в чём-то, то эта вина ничтожно мала и до суда можно было бы дело не доводить. Но – кому нужен детдомовец? Кто будет разбираться? Отчаяние охватило и оттого, что он ничем не может ему помочь. Не правильно всё это, ох, как не правильно... Он воткнул сигарету в пепельницу так, что, придавив окурочек, потушил огонёк большим своим пальцем. Почувствовав боль, мужчина даже не вздрогнул, только посмотрел на палец и растёр его об указательный.

Алексей дотянулся до телефона, перенёс его ближе к себе и набрал номер. Днём он никого не мог поймать на местах и дождался позднего вечера, когда бы мог позвонить на домашние телефоны. Судью он знал лично – в прошлом он тренировал её сына, и отношения с тех пор протекали определённо дружелюбно. Поговорив с ней минут двадцать, он положил трубку. Теперь он представлял себе картину яснее, но не утешительнее. Выкурив следующую сигарету, глубоко о чём-то размышляя, Алексей вновь взялся за трубку.

– Серёжа не спишь? – спросил он.

– Нет ещё, – услышал он в ответ.

– Встретиться нужно.

– Хорошо, давай завтра, часикам к двенадцати. Пообедаем где-нибудь.

– Нет, Серёга, лучше сегодня.

В трубке воцарилось продолжительное молчание.

– Что-то срочное? – наконец услышал Алексей.

– Очень.

– Хорошо, тогда приезжай, – согласился собеседник.

– Удобно домой? Поздно уже.

– Нормально, жена на дежурстве, сын, пока ты до меня доберёшься, уже десятый сон будет досматривать.

Предупредив жену, что ему ещё нужно заехать к однокласснику и чтобы она не дожидалась его, а легла спать, он покинул спортшколу.

Только через час он предстал перед дверью квартиры одноклассника. Звонить не стал – боялся разбудить сына, тихонько постучал; через минуту дверь открылась.

– Чего скребёшься? Я сразу и не понял: ты пришёл или мне послышалось, – пропустил он Алексея в квартиру.

– Сына разбудить боюсь.

Сергей засмеялся.

– Он без задних ног со своего футбола пришёл, сейчас хоть пушкой пали – ухом не пове-
дёт.

– Понятно, – устало сказал Алексей, протягивая другу бутылку водки. – Собери закуски, поговорить надо.

Сергей серьёзно посмотрел на него.

– Значит, точно что-то серьёзное у тебя, раз ты с бутылём пришёл. Я даже и не припомню тебя за рюмкой.

Алексей отмахнулся:

– Айда на кухню.

Водка немного расслабила и сняла усталость.

– Я о Холодове пришёл с тобой поговорить, – спустя какое-то время объяснил причину своего к нему визита Алексей.

– Вот ты о чём, – проговорил приятель.

Какое-то время стояло молчание. Первым заговорил Сергей:

– О чём по поводу него можно со мной поговорить? – спросил он.

– Ты же историю у них преподаёшь.

– Ну и что.

– Да не знаю я что «ну и что»! – нервно бросил Алексей. – Просто, ты там, в их обстановке находишься, и вообще-то для меня важно знать: как настроена администрация детского дома перед судом? Может, слышал что-то?

Сергей усмехнулся:

– Как настроена... – он посмотрел прямо в глаза однокласснику. – Посадить настроена. В колонию для малолеток отправить настроена. Ему такие характеристики к суду приготовили – мама дорогая! Ещё вопрос, – он снова усмехнулся, – возьмут ли ещё с ними в колонию.

Сергей налил себе, затем Алексею и, не приглашая, выпил один.

– Мне тоже этот пацан нравится, что-то в нём есть, – проговорил он, – но тут ничего не поделаешь... Он же любимцу нашей директрисы Надежды руку и челюсть сломал.

– Надежда наш компас земной, – словно в забытьи проговорил Алексей, вертя полную рюмку в руке.

– А ты знаешь, кое-что я пожалуй могу сказать: он среди подростков пользуется авторитетом.

– То-то оно и хуже, – отметил Алексей, – именно таких-то любая администрация всегда и не любит.

– Я не могу понять, – задумчиво говорил Алексей, – все говорят: он сам напал на бедного парня ни с того ни с сего, сломал ему челюсть, руку, организовал сотрясение мозга. При этом нет ни одного того, кто бы это видел. И тут же все утверждают, что сделал он это ни за что, словно решил просто поразвлекаться; от нечего делать захотелось поколотить кого-то, взял и поколотил. Выставляют его в таком свете, что он не ребенок, а изувер какой-то. Я его тренирую уже три года. Он не раз бывал у меня дома. Я не верю, что это произошло ни за что. Здесь есть очень веская причина, которая могла бы оправдать его... Не может быть по-другому! – глаза подвыпившего Алексея стали поблёскивать. – Ну не верю я!

– Верь, не верь, а как директор скажет, так и будет, на то она там и поставлена.

Алексей, наконец-таки заметив в руке налитую ему уже давно водку, выпил её. Поставив пустую рюмку на стол, сказал:

– Я разговаривал с судьёй.

Сергей вскинул заинтересованный взгляд на Алексея.

– Даже при уже имеющейся судимости Холодова, если будет ходатайство со стороны администрации, дело можно будет закрыть прямо на суде. Прокурор будет не против.

Интерес Сергея сменился на удивление:

– У него уже есть судимость? В пятнадцать-то лет?! – недоумевал он.

– Да, – кивнул Алексей, – год назад, в свой день рождения, когда ему исполнилось четырнадцать, он её и заработал.

– Я не знал про это, – протянул Сергей, – я ведь совсем недавно в этой школе преподаю.

– В той судимости, мне кажется, есть и моя вина.

– Ну, ты даёшь! Ты-то здесь причём?

Одноклассник ничего не понимал. Алексей махнул рукой, не желая говорить. Понимая нежелание рассказывать, Сергей не стал настаивать, но всё же заметил:

– Не кори себя, Леха, жизнь ещё и не такие фортели выделяет.

– Это легко говорить, когда эти, как ты говоришь, фортели происходят с другими, – с укором сказал Алексей и тут же поправился: – Извини...

– Всё нормально, – скоро ответил Сергей.

– Я ведь почему к тебе пришёл... чувствую, есть надежда. После звонка к судье чувствую. Она же мне прямо сказала, нужна всего лишь маленькая бумаженция, и с парня снимут все обвинения. Прокурор даже не против. Если я только чувствую, то они явно что-то знают, но что именно происходит – не могу своим мелким умишком разобрать. Почему тогда если они что-то знают, ничего не делают?

– Я чем-то могу тебе помочь? – с участием спросил приятель.

– Советом, Серега, всего лишь маленьким советом. Как это ходатайство получить?

Обычная усмешка отчаяния нарисовалась на лице Сергея.

– Это одно и то же, что палить из пушки по воробьям.

– Можно собрать педсовет. У меня есть что сказать.

– Он и так до суда будет. Хотя, тебе только кажется, что ты сможешь как-то повлиять на ход событий. Надежду недолюбливают, есть такое, в то же время никто не захочет искать себе новую работу, а для переворота власти достойных личностей нет.

– Но пацан же гибнет! – воскликнул Алексей.

– Не они же.

Услышал он в ответ короткий и жестокий ответ.

– Я приду.

Сергей в ответ только пожал плечами.

Посидев какое-то время в задумчивости, Алексей хлопнул ладонями по коленям:

– Пора домой, – произнёс он.

Одноклассник с удивлением посмотрел на него.

– Думал, ты у меня останешься ночевать. Теперь же только пешком, спи здесь.

– Нет, пойду, – категорично заявил Алексей. – Всё равно не усну – ворочаться до утра... лучше прогуляюсь.

– Как знаешь, – не стал настаивать Сергей.

* * *

К удивлению всего детского дома Дмитрия Холодова, после того, как он сильно избил другого воспитанника, через день отпустили. Для всех было безответной загадкой: почему следователь не арестовала его, а мерой пресечения избрала подписку о невыезде.

Холодов на допросах молчал, как рыба. Соглашался, что избил, за что и почему не объяснял.

Следователь Тихонова была женщиной уже уважаемого возраста, всю жизнь отдала общению с преступниками. Воров, жуликов и бандитов видала-поперевидала. Рассудительность и позиция подследственного поразили её. Иногда ей казалось, что перед ней сидит не пятнадцатилетний юнец, а уже мужчина. На отвлечённые темы он давал чёткие и вразумительные ответы. Он был открыт и даже эрудирован. Однако, как только доходило до причины конфликта, тут же Холодов закрывался. На допросе он выглядел не как все преступники, дёрганные и виляющие. Он был спокоен. Молодой парень в свои пятнадцать лет спокойно идёт на вторую судимость. Впереди тюрьма, колония-малолетка... взрослые зэки ужасаются от творящегося там, от установленных порядков. А этот, как железный – сидит и ждёт приговора, даже не пытаясь хоть как-то смягчить своё положение. На то есть причина – всё больше убеждалась следователь. В деле Холодова было одно единственное светлое пятно – характеристика от его тренера из секции бокса. В остальном, по бумагам, перед ней предстал хулиган, отпетый бандит и страшный злодей. На самом же деле перед собой она видела симпатичного юношу, высокого, широкоплечего, аккуратного, с голубыми глазами и открытой улыбкой. Выглядел он чуть старше своих лет. И непонятным образом что-то толкнуло её разобраться в деле поглубже. Если она ошибается, то пусть всё останется как есть, а если нет, если чутьё неспроста свербит внутри, то здесь нужно хоть как-то помочь парню. Настолько, насколько может позволить закон.

При допросе потерпевшего Сметанина она отмечала разительную разницу. Это был скользкий и изворотливый подросток. Этот тоже что-то скрывал и оттого сбрасывал всю вину на Холодова. Сбрасывал открыто, цинично, с явной целью оградить себя от чего-то. Тихонова решила покопаться в нём. Он трус и, если прижать его посильнее то, пожалуй, можно что-то от него и добиться. Трудность заключалась в том, что подростков нельзя допрашивать без родителей или его опекунов, в данном случае без представителя детского дома. Раз здесь что-то скрывается от следствия, то вполне резонно думать, что это скрывается и от воспитателей детского дома. При них он, естественно, ничего не скажет. Так ничего и не придумав, она всё-таки решила вызвать Сметанина ещё раз на второй день после случившихся событий, понадеявшись на авось, объяснив необходимостью уточнения некоторых формальностей. Его привела девчушка лет двадцати двух, по-видимому, практикантка. Тихонова затягивала допрос, делала пометки на никому не нужном листочке. Помог жаркий день и невыносимая духота. Перед приходом Сметанина следователь намерено убрала со стола вентилятор. Уже через двадцать минут у девочки на лбу собрались крупные капли пота. Она нет-нет, да помахивала перед лицом журнальчиком, кстати оказавшимся в руках.

– Если жарко, то ходите, проветритесь, – предложила ей Тихонова.

– А можно? – оживилась девочка.

– Почему бы и нет, – спокойно ответила ей следователь, не отрывая взгляда от бумаги, на которой что-то писала, – мне нужно ещё минут тридцать.

«Тридцать минут» выглядело убедительней.

– Ну, хорошо, – она посмотрела на Сметанина.

– Сметанин пусть пока побудет здесь. У меня могут возникнуть небольшие уточнения, чисто формальные... дело нужно сдавать, а без них – никак, – она ласково посмотрела на Сметанина. – Он же мужчина, он потерпит. Правда ведь, Сметанин?

Сметанин пожал плечами.

– Потерплю, – пробурчал он.

Через секунду практикантка была уже за дверью.

Тихонова в упор смотрела на Сметанина:

– Я всё знаю, – произнесла она.

В один момент Сметанин осунулся и влип в стул. Казалось, он размазался по нему.

– Без протокола я беседовала с Холодовым, – она на мгновение замолчала, брала нахрапом. Сметанин сидел бледный, как молоко, и она рискнула дальше: – И ещё кое с кем. Никто не стал говорить под протокол, поэтому мне нужно знать только для себя: так ли всё это произошло. Не скрою, от этого будет зависеть длительность заключения Холодова. И, если будешь молчать, то завтра эти протоколы будут лежать у меня на столе, чего бы мне это ни стоило. Поверь мне, уж колонию тебе я обеспечу точно.

Тихонова была твёрдо уверена, что в этом деле замешен ещё кто-то. Холодов явно выгораживал кого-то. Не будет же он выгораживать этого самого Сметанина! Она понимала, что действует не по закону и, если эти её методы работы дойдут до руководства, то у неё будут серьёзные неприятности. Её риск был велик, и он, слава Богу, оправдался. Глаза Сметанина наполнились слезами, цвет лица плавно перешёл в красный.

– Тётяшка, не садите меня, пожалуйста! – заныл Сметанин.

– Говори, – строго приказала Тихонова, – если ты не хочешь, чтобы вернулась твоя сопровождающая, и о произошедшем узнал весь детский дом.

Сметанин энергично закивал головой. Он вытер соплю рукавом и всё рассказал.

...Теперь Тихоновой стала ясна причина молчания Холодова. После ухода Сметанина она позвонила прокурору, они долго что-то обсуждали и, в конце концов, решили закончить дело и передать его в суд. Ещё немного посидев в задумчивости, глубоко о чём-то размышляя, она оформила подписку о невыезде. Холодов теперь не являлся для неё преступником, – в ней говорил не следователь, в ней говорила женщина, которая поняла его, однако при всём этом она обязана отдать его под суд. Впрочем, прежде она решила дать ему возможность ещё немного побыть на воле.

* * *

Директор детского дома, за глаза – Надежда, сухая, высокая женщина в брючном вельюровом костюме, в больших костяных очках, с глубоким и пронизательным острым взглядом, стреляющим сквозь линзы. Она без колебания разрешила Алексею присутствовать на педсовете. Даже спросила причину прихода. Спокойно отреагировала на неё и предложила подождать конца педсовета где-нибудь здесь же, в директорском кабинете, в сторонке, указав на выбор свободного места. Алексей отметил, что в профессиональной этике ей не отказать. Она не заставила его ждать в коридоре, как нашкодившего ученика. И это вселило маленькую надежду. Вдоль огромных окон кабинета выстроился ряд казённых стульев, добротных, образца примерно тридцатилетней давности. Тогда умели делать добротные вещи. Алексей уселся подальше, в уголочке у окна, на одном из этих стульев. Педсовет немного задержали. Кого-то ждали. Когда, наконец, этот некто появился, то тут же начали. Длился педсовет нудно, долго, часа полтора: обсуждение внутреннего распорядка, досуга, расписание и посещаемость, нарушения, чистота помещений, питание и ещё что-то, Алексею навскидку сразу даже и не вспомнить – что. И всю эту тягомотину ему пришлось выслушать. Поначалу он вслушивался. Когда ему всё это надоело, он повернулся к окошку и принялся рассматривать территорию детского дома. В конце концов, то, что происходило сейчас в кабинете директора, его никоим образом не касалось. На окнах висели тяжёлые занавески, подвязанные по краям, между которыми прекрасно виделось всё, что творится под окнами, да и вообще весь кабинет отличался холодной практичностью. Ухоженный двор детдома отмечал рачительного и аккуратного хозяина. Что тоже делало Надежде чести. Стоял теннисный корт, плутали аллейки вдоль подстриженных кустиков, небольшая, крытая летняя концертная площадка. Жилой корпус напротив недавно отбелен. Опрятность детей также бросалась в глаза. В какой-то момент он услышал голос Надежды.

– К нам на педсовет сегодня, – объявляла она, – пришёл тренер спортивной секции по боксу, где занимаются некоторые наши воспитанники... Алексей Владимирович Нестеренко. Прошу вас, – попросила она.

«Всё так просто», – думалось Алексею. Он поднялся со стула, подошёл поближе к сидящим за столом педагогам. Взгляд его пересёкся с взглядом Сергея. Он смотрел на Алексея спокойно и безразлично. И ещё было десятка два пар, таких же безразличных. Под ложечкой защемило. «На ринге проще, – подумалось ему, – там, у обоих есть цель».

– Здравствуйтесь, – от растерянности не знал с чего начать Алексей. Идя сюда, он не единожды собирал аргументы в единую цепь, которая в нужный момент рассыпалась и раскатилась звеньями по каким-то тёмным закоулкам. Хорошо хоть «здравствуйтесь» получилось уверенным. – Меня беспокоит судьба Дмитрия Холодова, – решил он не влиять вокруг да около, не подбирать красивые слова, а начать с самой сути, – на мой взгляд, в данный момент происходит чудовищная несправедливость.

Надежда поверх больших костяных очков смотрела на Алексея. Ничего для себя доброго в этом взгляде он не видел.

– Это порядочный, умный и эрудированный парень, – продолжал Алексей. – Я тренирую его уже три года, это не маленький срок, чтобы разобраться в ребёнке.

Надежда выдерживала паузу.

– За все эти три года с его стороны не было нарушений, ведь характер человека не зависит от места его нахождения, – говорил Алексей. – Кроме того, был ряд поступков справедливых и правильных в нравственном и моральном планах. Это я вам говорю совершенно авторитетно, как педагог и как психолог.

Опять хочется отдать должное Надежде – она не мешала, не перебивала, не сбивала с мысли. Она без сомнения давала выступающему договорить до конца.

В тот же момент Алексей отметил для себя, что говорит каким-то официальным языком, противным ему же самому, совершенно банальные вещи.

– Я не хочу из Холодова сделать героя, он скорее жертва, как и все дети вашего детского дома. Это необычные дети. Они жертвы с самого своего рождения. Ими руководят обстоятельства. Да что вам об этом говорить, вы и сами прекрасно всё это знаете. Невероятная случайность, что Холодов менее чем за два года получил две судимости. В первой есть и моё косвенное и невольное участие. За что я несу ответственность, и именно поэтому я сейчас и говорю с вами.

Безразличие присутствующих сменилось на интерес.

– За неделю до той злополучной кражи, – решился рассказать Алексей, – был день рождения моей младшей дочери. Я пригласил и Холодова. В тот день я заметил, как он был счастлив и пребывал в каком-то глубоком восторге, тщательно скрываемом от окружающих. Он впервые присутствовал на семейном празднике. Помню, я порадовался за него, в нём усматривалась добрая зависть, чистой воды. В тот день мне показалось, что у него родилась мечта о своей семье. Хотя, без сомнения, он и раньше, наверное, мечтал о ней... Дети подобной категории не могут не мечтать о таких простых и обыденных для любого обычного ребенка, живущего вне этих стен, вещах. Не могут не мечтать о любви и ласке, как бы хорошо к ним здесь не относились. На дне рождения Дмитрий понял, что по-настоящему стоит эта самая его детская мечта. «Я тоже отмечу свой день рождения», – сказал он мне тогда. Я не придавал особого значения сказанному. Да и в сказанном не было ничего предосудительного. И надо ж было такому случиться! В день своего рождения он украл двадцать килограмм меди и сдал в приёмку цветных металлов... Он не залез в карман, он не залез в квартиру. Он залез в сарай к дельцу, который тоже эту медь не купил. Металл был отлит в промышленные формы, а не в изделия. Почему на тот момент соответствующие органы не заинтересовались им – откуда он их взял – оставляет жирный вопрос... Впрочем, ответ тут понятен. А украл Холодов по детской наивности и не

осознанию серьёзности того, что делает; оттого, что просто хотел отметить свой день рождения с друзьями, с близкими на тот момент ему людьми, с его – на тот момент – семьёй. Потратить деньги не на сигареты, спиртное или наркотики, а потратить деньги на своё желание – как человеку свой день рождения отметить. Я не оправдываю его, Боже упаси! Провинился – отвечай. И всё же, кто из нас не воровал варенье, не лазил по чужим огородам за яблоками да за клубникой? Кто из нас по той же самой наивности не делал поступки, за которые потом стыдишься долгие годы, если не всю жизнь. А здесь – детдомовский ребёнок, изгой общества с рождения, кто будет разбираться, кому он родной, кто заступиться и отстоит его. Есть закон, пункты и параграфы. Следуй им и спи спокойно. В тот день рождения с ним случился именно тот случай. Он больше месяца не смотрел мне в глаза, избегал разговоров. Молча тренировался и уходил. Поговаривали, что он собирался бросить спорт, отчего впоследствии и состоялся наш с ним долгий разговор. Только почувствовав с моей стороны понимание, а не осуждение, он снова стал тем Дмитрием Холодовым, каким был ранее, – Алексей говорил энергично, ему важно было понимание педагогов, отчего зависело будущее Холодова. – Почему в тот миг на него оскалился весь мир? Даже тот делец не стал забирать заявление из милиции, более того – обжаловал приговор. Мол, мало дали. Нужно было посадить! Пусть другим неповадно будет! – восклицал он. – Почему статьи, пункты и параграфы оказались на стороне и отстаивали жадность дельца и того же беззакония сомнительных сделок? На стороне того, кто рубль поставил выше человека и молится на него. Почему закон на бумаге встал против нравственных законов – против детской неосознанной наивности в четырнадцать лет, против ребёнка и против формирующейся личности, за которую государство в ответе, и для которых издаёт эти же самые законы и требует их соблюдать. Вот эти вот множество «почему» дают такое же множество безответных вопросов.

Он посмотрел на сидящих перед ним людей. Некоторые смотрели ему прямо в глаза, как смотрят на оппонента, этот взгляд ему был хорошо знаком в спорте. А некоторые или смотрели вниз, или отвели глаза в сторону. Их было больше. Эти были согласны с ним. Надежда это тоже заметила.

– Что же касается нынешнего уголовного дела, то я твёрдо уверен, что Холодов избил его по какой-то очень веской причине и не хочет эту причину предавать огласке даже под угрозой суда. Скорее всего, этого боится и тот, кого он избил.

Алексей надолго замолчал. В кабинете директора стояла гробовая тишина.

Надежда немного подождала. Поняв, что говорящий сказал всё, заговорила сама:

– Я только не поняла – чего же вы хотите? – недоумённо произнесла она.

Алексей опомнился. Зачем пришёл – не сказал.

– Ходатайства в суд. Может быть, оно поможет Холодову, – попросил он.

– Мы вас очень внимательно выслушали, – без эмоций говорила Надежда, – надо отдать вам должное за то, что вы так сильно радеете за наших воспитанников. Ваша трогательная речь задела и меня. Поэтому я бы тоже немножечко хотела поговорить о Холодове... да и не только.

Алексей присел тут же за столом на свободный стул. Хоть её и недолюбливали, Алексей начинал её уважать. Если и отказывает, то объясняет почему. Он понял, что визит его был напрасен. Действительно, для свержения власти здесь трудно найти подходящую кандидатуру. Ответ её был более короткий и очевидно ясен:

– В том заведении, – продолжала она, – и в том коллективе, которыми я руковожу, существуют определённые порядки, установленные не мной, не кем-то из здесь сидящих, они установлены государством. Это вы очень точно и правильно отметили. И никто из нас не вправе их нарушать. Произошло ЧП. По чьей вине? – спрашивала она и тут же сама и отвечала: – По нашей. Недоглядели. Холодов совершил одно преступление, умышленное, подготовленное, отчего и выбрал, как вы называете, дельца – из соображений, что тот не пойдёт в милицию. Но тут он ошибся – делец оказался не так прост. Есть факт преступления и для закона неважно:

против кого оно. За это преступление Холодов получил от государства порицание и возможность исправиться. Но он этого не сделал. Он совершает второе, более тяжкое, через очень короткий срок. Что это? Как вы говорите – невероятная случайность. Случайность может быть только один раз, дальше это уже закономерность. Разве можно позволить детям решать свои споры кулаками, пусть даже если есть какая-то веская причина. Для этого есть мы, взрослая администрация. Но даже здесь не самое главное... Главное в том, что, если я сейчас позволю уйти от ответственности Холодову, то и другие воспитанники почувствуют безнаказанность. А их у меня – сто пятьдесят детских душ. За которые я в ответе перед государством. Что мне потом прикажете с ними делать – пересажать их всех и спать спокойно? Вот тогда-то точно не уснёшь, – как отрезала, произнесла она последнее предложение. Разговор был закончен.

Алексей чувствовал себя оплеванным, и в то же время прежде всего понимал правоту Надежды, ответственной за каждого ребёнка. Кроме того Алексей узнал, что суд над Холодовым решено сделать показательным, с выездом в детский дом. С глубоким чувством досады он покинул детский дом. Это значило, что Холодову не миновать заключения.

* * *

Дима Холодов притягивал к себе сверстников своим незаурядным умением обоснованно отстаивать свою точку зрения. Вездесущая любознательность его могла удивить любого, кто с ним пообщается хотя бы час-полтора. И любознательность эта совсем не выглядела навязчивой, а скорее выглядела в виде беседы на выбранную тему. Он обладал хорошей памятью. Вряд ли кто из детского дома при случае, к месту, мог цитировать Пушкина, Островского, Булгакова, Ильфа и Петрова, и многое другое из литературы. Он мог часами просиживать в библиотеке и выйти оттуда с взорванным чувством восхищения прочитанным. Но в последнее время было не до этого. Всё чаще он забирался на крышу жилого корпуса детского дома, и мог подолгу уединяться там, оставаясь со своими детскими мыслями и мечтами вокруг отнюдь не детских событий вокруг него. Сидел и смотрел на золотые с крестами купола возвышающейся на холме невдалеке от их дома церкви. Глядя на них, ему почему-то становилось легче на душе, и он говорил сам себе: «Как бы ни было, я останусь самим собой». Он часто вспоминал беседу, случившуюся однажды с его тренером:

– Предав себя однажды, легко предать потом и друга, – сказал он ему тогда, и ещё: – Реже ошибается тот, кто отстаивает свою позицию, чаще тот, кто соглашается.

И сейчас Димка считал, что он прав. И он стоял на своей правоте молча, никому и ничего не объясняя.

Выйдя под подписку о невыезде, он в первый же день взобрался на крышу перед куполами и, лёжа на спине и закинув руки за голову, наблюдал за летающими в вышине ласточками, слушал каркающих с макушек соседних тополей ворон и мечтал.

...Кончается его детдом, когда-то кончится и колония, которую теперь уже не миновать, кончится всё плохое и начнётся всё хорошее. У него будет свой дом, кто-нибудь будет его любить, кому-нибудь он будет нужен, у него обязательно будут родные ему люди... Он не мог представить их себе, зато знал, что они точно будут, и ради этого своего будущего он никак не мог предать себя, иначе как он посмотрит потом в глаза своим родным людям глазами подлеца...

Забили в полдень колокола, и тут он увидел над собой Ленку.

– Тебе чего? – не шевелясь, спросил он.

– Так, ничего, просто к тебе поднялась... Можно, с тобой посижу? – попросила она.

– Сиди, – безразлично ответил он, – крыша не моя.

Ленка присела рядом, поджав под себя колени. Это была двенадцатилетняя девочка, хрупкая, как тростиночка, в ситцевом, цветастом, простеньком платице, и на лице её была натыкана кучка веснушек, которых она ужасно стеснялась.

– Ты, наверное, на меня обижаешься? – тихо спросила она.

– Чё мне на тебя обижаться! – ответил он, недовольный, что нарушили его уединение.

– Но ведь всё из-за меня...

Дима резко встал, и взгляд его сверкнул молнией.

– При чём тут ты! – нервно бросил он. – Да окажись на твоём месте любая другая, я всё равно «Сметану» урыл бы за такое.

– Да, – расстроено сказала она, – но ведь ты сейчас уйдёшь на малолетку.

– И что с того! Я не боюсь.

– Дима, – Ленка как-то по-взрослому положила ему руку на колено, – давай переписываться, – робко попросила она.

Дима, выразив удивление, в полуулыбке рассматривал её.

– Ленка, тебе же ещё двенадцать лет, – засмеялся он, – ты же ещё ребёнок.

– Ага, – обиделась она, – кому-то это не помешало сделать меня взрослой.

Глаза Холодова налились кровью.

– Я боюсь, – глаза её заслезились, – меня сейчас никто замуж не возьмёт...

Димке стало жаль девочку, он смягчился и с задором произнёс:

– Ты ещё такого парня себе найдёшь, о-го-го! Другие девчонки тебе завидовать будут! У тебя такие чудные веснушки, они знаешь, как парням нравятся...

Дима намерено упомянул о веснушках, зная, что у Ленки по поводу них комплекс.

– И тебе нравятся? – заглядывала она прямо в глаза Диме.

– Безумно! – закрыл он глаза и помотал головой.

Её мокрые глаза вмиг стали счастливыми.

– А почему тогда меня парни дразнят? – спросила она.

– Тебя хорошие парни дразнят?

– Нет.

– Тогда что же ждать хорошего от нехороших... А вообще ты молодец, что всё мне рассказала, – он потрепал её по макушке. – «Сметана» подонок, и он получил своё по заслугам, жалко только, что я немного перестарался. А его не бойся, Игорь с Олегом за тобой присмотрят.

– Дима, – слёзы снова текли по её щекам, – тебе же мои веснушки нравятся... давай переписываться, а?..

Дима с трудом сдержал смех.

– Давай, конечно, разве ж я против.

– Ага, а сам маленькой обзываешься... Я же вырасту. У меня мамка папки на целых девять лет была младше.

– Дурочка... – Холодов по-отечески обнял её за плечи и прижал к себе. – Только обо всём пиши, чтобы письма длинные-предлинные были, не жалея бумаги, чтобы я их по несколько раз хотел перечитывать.

– Не буду бумагу жалеть, обо всём писать буду, – говорила она.

– Смотри, Ленка, какие купола красивые, – он протянул руку в сторону церкви, – как они над городом царят. Я с утра сегодня был в этой церкви. Раньше я стеснялся креститься перед входом в неё. Останавливался и про себя это делал. А сегодня перекрестился. И правда-правда, мне не было стыдно.

– Я тебе много-много писать буду, – не слушала она его.

* * *

Подготовка к суду шла полным ходом. С самого утра из-за дверей актового зала слышалось гроыхание стульями, увеличивалось количество мест. Ожидались гости из района, гороно и ещё ряда курирующих детский дом учреждений. Надежда как всегда не позволит ударить себя лицом в грязь. Даже намёка на отрицательное мнение любой инстанции о себе не могла позволить Надежда. Если это вдруг случалось, то для неё это была личная трагедия, которую она очень болезненно переживала. Поэтому воспитателям была наказана строжайшая дисциплина, дабы и прокурор не сделал неправильных выводов, что всё происходящее есть продукт плохой дисциплины. Дворник Потапыч с рассвета и до самого подъёма по утренней тиши швыркал метлой. Воспитанников детского дома также не оставили в стороне. Со вчерашнего вечера провинившиеся за последний месяц драили полы, косяки, двери, стены, окна, и сегодня здания сверкали на солнце хрусталём. Младшие собрали весь мусор с газонов. Старшие побелили бордюры тротуаров. Казалось, что сегодня состоится совсем не суд, а нечто торжественное, сравнимое с днём рождения детского дома или приездом известных артистов со спонсорским, благотворительным концертом. Яркость солнечного дня придавала наведённому лоску дополнительную праздничность, кроме того почему-то женщины преподаватели пришли сегодня нарядами. Одна только Надежда гарцевала по коридорам в своём неизменном велюровом костюме. Между тем должно состояться далеко не весёлое событие.

Суэта успокоилась часа за два до суда. На небе не видно было ни одного облачка. Весь детский дом высыпал на улицу и рассыпался кучками по тенечкам, в ожидании суда.

За полчаса до начала процесса открыли двери актового зала. Первые три ряда предназначались для преподавателей и гостей. На последующие стали заводить и рассаживать воспитанников. Весь этот процесс происходил с соблюдением заранее установленного порядка: строем по двое проходили по рядам, не громко, не хлопая, откидывали сиденья и рассаживались. Первыми рассадили, начиная с четвёртого ряда, самых младших, чтобы они не мешали видеть сидящим сзади, затем постарше и, напоследок, самых старших. Гости и преподаватели проходили и рассаживались как им заблагорассудится и где хочется. Общая картина представлялась приходом солдат в театр. Только там сцена за тяжёлым бордовым, бархатным занавесом, звенят звонки, первый, второй, третий, антракт, буфет... Здесь же всего этого нет. Оставалось только ожидание зрелища. Сцена открыта. В самом центре её стоит стол под зелёным сукном, посреди которого стоит кувшин, на две трети наполненный водой, и три стакана. Справа и слева так же стоят столы, только поменьше, и так же накрытые зелёной материей. В самом дальнем краю сцены ещё один маленький стол. С правой противоположной стороны установили скамейку. В зале, на уровне второго ряда, по среднему проходу стояла небольшая трибуна, коею местный плотник колотил наспех, ночью, и не давал сегодня спать. Покрасили её быстросохнущей нитрокраской, отчего по залу носился запах ацетона. Благо на улице стояла прекрасная погода, и окна были распахнуты настежь. Для пущей светлости шторы на них были широко распахнуты.

От сидящих воспитанников, уже заполнивших весь зал, исходил монотонный приглушённый гул. Первые три ряда были заняты всего только на треть. До начала ещё было немного времени, поэтому гости шатались по коридору и, если кто-то с кем-то был знаком, то болтали от неожиданной встречи о чём угодно.

Алексей Владимирович стоял у окна, подперев задом подоконник и скрестив руки на груди, о чём-то размышлял, плотно сдвинув густые, с завитком брови, когда к нему подошла Надежда.

– Я вас не отвлеку? – замечая его задумчивость, спросила она.

– Да нет, – без настроения ответил он, – я, в общем-то, ничем не занимаюсь, – попытался он отшутиться и глупо улыбнулся.

Алексею было не до неё от понятно, откуда навалившейся на него грусти. И в то же время он был рад от неё отвлечься. Надежда, как ни в чём не бывало, подошла к нему, словно недавней встречи на педсовете вовсе и не было. И так же, как ни в чём не бывало, обратилась к нему:

– Мне бы несколько ребят в ваш спортзал пристроить. Изъявили желание заниматься, а с делом Холодова бояться, что мы запретим или вы не возьмёте, – просила она.

Алексей мысленно стёр с себя недавнюю оплётанность. Он знал, что она не приветствует занятия боксом. Встреча на педсовете все-таки не прошла бесследно. Алексей приятно отметил для себя, что смог расположить к себе этого железного функционера и администратора.

– Ну, так как, – чувствуя его замешательство, переспросила она, – посылать мне их к вам, или же нет?

– Я их даже если и мест не будет, возьму, – едва сдерживая эмоции, спокойно сказал Алексей.

– Ну, вот и хорошо, – она по-приятельски поблагодарила его, приложив на секунду свою ладонь выше его локтя и, поворачиваясь для того, чтобы уйти, проговорила, пожимая худыми плечами: – Все равно не пойму: бить морды друг другу и называть это спортом.

Повернувшись, она направилась к кому-то из гороно. Грустные размышления вновь захлестнули Алексея.

Прошло ещё какое-то время, прежде чем вышла секретарша и пригласила всех пройти в зал. Алексей сел с той стороны, где была установлена скамейка, предполагая, что это и есть та пресловутая скамья подсудимых. Он сел с краю во втором ряду, поближе к ней, с намерением поддержать Дмитрия. Алексей уже предположил, что суд превратится в фарс. Действующие лица так же начали занимать свои места. Прокурор расположился по левую сторону от большого стола, дальше, на краю сцены – секретарь, с правой стороны бесплатный адвокат. «На кой ляд он здесь нужен, – подумалось Алексею, – один чёрт от него как от козла молока, бесплатно ему даже и говорить-то лень будет». И, наконец, на скамейку пригласили Диму. Уже изначально зрелище выглядело трагикомическим. Встретившись взглядами, Алексей подмигнул ему. Дмитрий в ответ улыбнулся и на миг прикрыл оба глаза.

Место слева рядом с Алексеем оказалось свободным, и в какой-то миг, когда все уже расселись и занимались своим благоустройством на местах, ничего не замечая вокруг себя, со словами «дяденька, простите!» на это место, предназначенное для гостей, юркнула хрупкая девчушка лет двенадцати с веснушками на лице. Алексей на мгновение растерялся и глянул на Диму. Тот не сдержал беззвучного смеха и показал ладонью, мол, пусть сидит. Тренер в ответ недоумённо пожал плечами. Временами по залу ходила воспитатель, следила за порядком и, если нужно было, приструнивала больно шумных. Когда она подходила ближе к тому месту, где сидел Алексей, девчушка проваливалась в сиденье так, что её вовсе и видно-то не было, или прижималась ближе к нему, прячась за его внушительной фигурой. В конце концов, она всё-таки была разоблачена и её едва не выдворили на те места, где сидят её сверстники.

– Что вы, – возмутился Алексей, – отсюда же лучше видно. Место всё равно пустовать будет, пусть сидит, – категорично произнёс он.

Воспитатель опешила, она не знала, кто перед ней сидит, и с мыслью «мало ли» ретировалась. Дмитрий показал большой палец на сжатом кулаке. Девчушка заметила это. Наклонившись вперёд, она снизу вверх с наглым интересом несколько секунд глядела Алексею в упор прямо в лицо и, ничего не сказав, откинулась обратно. Тот в свою очередь не на шутку стушевался. Дима на скамейке покатывался, охваченный немой, пантомимическим смехом. «Что сейчас о нём подумают, – забеспокоился Алексей, – парня сейчас судить будут, а он сидит на сцене и гогочет». Он оглядел сцену: слава Богу, прокурор ничего не заметила и он, повернувшись в зал, тут же наткнулся взглядом на женщину, сидящую прямо за девчушкой. Лицо её было красным, она, склонив голову пониже, прикрывала лицо ладонью и тоже едва сдерживала

смех. С ощущением, что он – единственный в этом зале, кто ничего не понимает, Алексей повернулся обратно.

Точно в два били колокола на холме. И в тот же момент секретарь объявила:

– Прошу встать, суд идёт.

Все встали, встретили суд, сели. Процесс был скоротечным. Да и что тут было разбирать. Судья зачитал дело целиком. Допросили фигурантов – потерпевшего, подсудимого, да одного свидетеля, врача медсанчасти оказавшую первую помощь Сметанину. «Сметана» подошёл к трибуне в зале, точно его только что огрели поленом по голове, что-то бурчал себе под нос. В зале так никто и не понял, что он хотел сказать. Судья несколько раз делала ему замечания – говорить внятнее и громче, но всё было тщетным. Секретарь мотала головой, она не знала, что писать в протоколе. Наконец судья решила, что всё это пустое и выгнала его с трибуны. Пока «Сметана» стоял за трибуной, Холодов, с застывшей на лице иронией, не отрывал от него презрительного взгляда. Суд продолжался.

Женщина, сидевшая позади девчушки, была следователь Тихонова. Она без труда догадалась, кто была эта девочка и, естественно, тоже не могла сдержать смеха при виде того, что та вытворяла. Тихонова смотрела то на Холодова, то на девочку, и в какой-то момент у неё защемило сердце. Она видела перед собой две ещё не сформировавшиеся личности, которых постигла боль далеко не детской трагедии. Одна в свои двенадцать лет испытала на себе унижение и оскорбление, с детских лет потеряла женскую честь и достоинство. И это всё – только на пороге жизни. Второй, заступившись за неё, совершенно чужого для себя человека, идёт в колонию, дабы для всех её честь была сохранена. Наблюдая уже не в первый раз, как гордо держится Дима, и видя перед собой невинно оскорблённую девочку, у Тихоновой подступил ком к горлу, в глазах появилась подлая влага.

Между тем суд продолжался. Прокурор к тем двум годам запросил ещё два. Адвокат встал и что-то промямлил. Затронул трудное детство Дмитрия. Зачем-то заговорил о трудном экономическом положении в стране. О низкой зарплате воспитателей. Наговорил ещё какой-то ерунды и, наконец, попросил оправдательный приговор, совершенно ничем не мотивировав своей просьбы.

И вот – приговор. Он оказался неожиданным для всех. Судья вновь зачитывала содеянное Дмитрием. Затем сложением по каким-то статьям, действуя согласно пунктов этих статей, потом – на основании чего-то поглощение большего меньшим... в итоге осталось два года колонии для малолетних преступников. Услышав приговор, Дмитрий вскинул глаза на прокурора. Тот, в свою очередь, так же наблюдал реакцию подсудимого. Край губ прокурора заметно дёрнулся и появился слабый намёк на улыбку. Дмитрий перевёл взгляд на судью. Последняя, зачитав приговор до конца, также смотрела в упор на Холодов. И читалось – всего-навсего в её взгляде – «Что смогли!», ей не хватало только руками развести. Он и предположить не мог, что они всё знают, оттого не мог понять: отчего он получает к себе подобную милость. «Если будешь держать ЭТО в сердце, то сама жизнь протянет тебе руку», – вспомнилось ему неожиданно в этот миг.

Провожали Дмитрия в автозак всем детским домом. Кричали слова в поддержку, выкрикивались пожелания.

Дмитрий был доволен, он даже сравнил, что это – как в армию сходить. И мечта его о своём доме несколько даже не отодвинулась. Он освободится, будучи ещё несовершеннолетним. Всего лишь два года, и он снова вернётся в эти стены. Напоследок Дима глянул на холм, на золотые купола, и запрыгнул в коробку автозака. Лязгнул засов клетки. Конвоир сидел у захлопнутой двери на скамейке, зачем-то безразлично разглядывал свои ногти, стряхивал невидимую пыль с коленей и поглядывал через окно на скопившуюся толпу детдомовцев возле автозака. Машина тронулась. Холодов ехал в колонию, и на душе его было спокойно. Вдруг вспомнились конопущки Ленки, вспомнились её чудачества на суде, вспомнился тренер и ещё,

почему-то, следователь Тихонова. Машина уносила его всё дальше и дальше оттуда, где оставались самые близкие для него на сегодня люди.

Как только автозак скрылся за поворотом, детдомовцы стали расходиться. Только одно, совсем юное создание, хрупкое, как тростиночка, в простеньком, ситцевом, цветастом платье, с веснушками на лице, долго шмыгало носом, размазывая слёзы по конопушкам, которых она уже нисколечко не стеснялась, и смотрела на уже пустую дорогу. А на холме били колокола...

Золотые купола

Вторая часть

Бабье лето! Оно развлекалось с природой, как только могло-выдумывало, кокетливо пестрило и дефилировало, по-разному, с причудами красками хвалилось. Рубинами рябин сотнями гроздьев прогибалось. Уж недолго, прилетят снегири, вволю полакомятся и устелют первый снег жатыми ягодами. Это скоро... А пока бабье лето так хорохорилось! Землю золотом осыпало. Солнечными лучами расстреливало. И всё живое быстрее под эти лучи торопилось – ими насытиться. Скучное лето нынче не баловало. А зима не за горами уж! Отслужив вечерню, отец Серафим направлялся домой. Душу его это самое бабье лето распирало во все стороны так, что и конца краю ей нет вовсе; даже грудь, казалось, для неё – простор бескрайний, и она там по этим просторам песни разные хороводом ходит. Танцы разные вприсядку не стесняется! – О как распирало отца Серафима! Благодать просто! Ноги его сами несли. Отчего он к реке свернул – сам того не понимал. Шёл совсем не туда, где дом был. Шёл и чувствовал непонятное влечение куда-то, словно как тянет его кто непонятно куда. Божий промысел необъясним. Бывает так: делаешь что-то, а потом сам себе же и не можешь объяснить, отчего так делал. Какое-то время он шёл по берегу, пока не вышел к заводи, заросшей густым ивовым кустарником. В одном месте он приметил: из кустов торчит бамбуковая удочка. Раздвигая кусты, преодолел заросли и оказался на маленькой полянке. Малец-рыбачок с бамбуковой двухколенкой удил рыбу. В школьной форме, в кедах... В стороне валялся портфель. В воде, в полуметре от берега воткнута рогатина. На ней висит наполовину в воде пакет, в нём рыба, мелочь – кошке на радость... Пескарь да сорожка.

То, что необъяснимо толкало Серафима – угомонилось. Он понял, что шёл сюда. Ему нужен был этот малец.

– Ключёт? – спросил отец Серафим.

– Не-а, – ответил малец и, помолчав, добавил: – мелочь, иногда, погода сменилась, – со знанием дела он повторял чьи-то чужие слова, слышанные им где-то тут же, на берегу, от взрослых рыбаков, – рыба этого не любит, – утверждал он по взрослому.

– Кошке сегодня пир будет, – говорил Серафим.

Тут малец присел, ловко подсёк снасть и вытащил на берег пескаря... не маленького... с ладонь в длину – для пескаря это возраст.

– Ого, кабанчик! – воскликнул он.

Только тогда, когда малец снимал рыбу с крючка, отец Серафим разглядел его. Он был белобрыс, жидковат на волос, худощав, но крепок. Серафим нередко видел его, порой так, что в то время он должен быть ещё в школе. А он с удочкой и почему-то с портфелем к реке направлялся. И тут – время уже позднее, а он всё на речке.

– Нет у нас кошки, – говорил малец. – Да что кошка, я и сам её жареную люблю.

– Тебя дома-то не потеряли? – забеспокоился Серафим.

– Не-а, – привычно бросил он, – мамка знает, что я на речке. Ждёт. Я ж рыбу принесу.

– Кто твоя мамка? – интересовался священник, не понимая: отчего он задаёт ему эти мало что значащие вопросы. – Город наш маленький, все на виду, многих знаю, тебя часто вижу, а чей ты – не ведаю.

– Учительницей была, – отвечал он.

– А теперь?

– А теперь... – он не знал, что говорить, замолчал. – Болеет, – тихо сказал он.

– Родитель твой чем занят? – не унимался Серафим.

– Вдвоём мы с мамкой. Папка помер, когда мне четыре года ещё было. Я его совсем не помню. В тот же год старшая сестрёнка потонула. С тех пор мамка и болеет.

Не переживал малец того горя, от того и говорил, как и не с ним это вовсе всё было. Мал тогда он ещё был. Не прочувствовал.

– В школу какую ходишь?

– В двадцать вторую, – отвечал малец.

* * *

...Встреча та произошла ещё в сентябре. Уже месяц прошёл. Отец Серафим не успокаивался. Странное, непривычное беспокойство одолевало его. Всё время глаза мальчика вспоминал... больные... не физическую боль в них видел он. Душа пацана болела. Отрешенный... Без веры тому, с кем говорит. Малец пребывал в каком-то другом мире... Своём. Сам себе его строил и в нём жил... В одиннадцать-то лет! Это непонятное беспокойство и двигало отцом Серафимом. Он побывал в школе, говорил с учителями. В неблагоприятной семье рос парень. Только с матерью. Он постеснялся тогда на речке сказать: болезнь матери было – пьянство. Семь лет назад она схоронила мужа. Он был шахтёром. Получил получку. Шёл домой со второй смены. И – не дошёл. Лихих людей всегда хватало... В кустах и нашли. Голову проломили, деньги забрали. Беда одна не приходит – пришла беда, отворяй ворота! Не предупредит: готовьтесь, мол. Спустя два месяца утонула старшая дочь. Семья была на пример многим. Она закончила пединститут, учила начальные классы. Он – шахтёр, дай Бог заработки были. Всё в доме было. Жили не хуже многих. Кто позавидовал...? Кто сглазил...? Сломил бабу беда. Выпьет стакан, оно и на душе легче, мир сразу в цвете, жизнь радует. Потеряла работу. Друзья отвернулись. В коллективе забыли. Вспоминают иногда, с сожалением – «сломало девку» – этим всё участие и ограничивалось. Стакан к стакану не заметила, как всё потеряла. Искать снова уже и сил нет. Не та уже, с пятном. Пятно это ни одна хлорка не возьмёт... Восстанавливать, не строить... Так и покатилося: встанет с похмелья, сына обстирает, если есть из чего – поесть приготовит, и опять... друзья-собутельники... пьяной душу изольёт... Они и слушают, по-собутельничьи так, по близкому поддержат, посочувствуют, слово скажут. Она-то и рада радёшенька – не безучастны к её беде люди.

Вот такая история открылась отцу Серафиму.

Повелось так, что теперь он временами справлялся в школе о мальце. Позвонит, узнает, если на уроках – успокоится. Нет – знает где искать. Найдёт на реке и в школу приведёт. Иногда и после уроков встретит.

* * *

Старый опер, мент на пенсии дед Федот служил вахтёром. Суровым стражем стоял на воротах. Впускал, выпускал, следил за порядком как полагается, мышь незамеченной мимо него не пробежит. Дисциплина в нём со службы корнями сидит. Вообще-то любой желающий мог покинуть детский дом через дырки, во множестве имеющиеся в заборе по всему периметру, и тщательно замаскированные от всевидящего ока администрации, беспрестанно следившего за каждым воспитанником в отдельности. Хоть где, но только не мимо деда Федота. Сидит он на своём посту, чай гоняет, усы гусарские поглаживает и спиной, по шагам знает, кто к воротам приближается. Ленка с ним дружбу завела. Поначалу дед посмеивался над её веснушками:

– Не отмыла! Лицо что, с утра не мыла?! – вечно он пытался ткнуть жёлтым, прокуренным пальцем ей в лицо. – Так с мылом надо! – хватал её за нос, и заливался в безудержном смехе.

Ленку поначалу это выводило из себя, она взрывалась, но дед так умело, по-доброму сглаживал свою вину, что она привыкла и перестала замечать его насмешки. К каждой встрече дед приберегал для неё две-три шоколадные конфеты. Бывало, частенько они сидели на скамейке и болтали от нечего делать, так просто, ни о чём. Конфеты от него она съедала не все. Часть раздавала малолеткам. Не только ради угощения. За информацию. С пользой. Им на радость, и «Сметана», гнида, покоя не имел. Они докладывали ей обо всём, что замечали запрещённого за «Сметаной».

Подружились они с Федотом. И дружба эта по службе в пользу и деду самому приходилась.

Ранним утром Надежда на работу шла. Миновала ворота, и тут вслед ей:

– Мне тут по случаю тайничок один открылся, – говорил ей дед Федот.

Надежда задержалась.

– Интересно, – повернулась она к нему.

– За хоздвором, под досками, в углу – ящичек с детскими шалостями прикопан.

– Как знаете?

– Профессиональное, – пожал он плечами.

– Чей?

– Пришибленного.

«Пришибленным» им звался «Сметана».

– Хорошо, я разберусь, – сказала Надежда, повернулась и пошла.

– Во-во, – кивал дед.

Ящик Надежда обнаружила без труда там, где и указал дед Федот. В ящике сигареты, немного денег, конфеты, отстрелянные охотничьи патроны, колода карт с голыми девицами и ещё разная никчёмная мелочь. «Сметана» отпирался недолго. Положение его было незавидным. Что такое назначенное ему наказание мыть три дня коридор по сравнению с тем, что он перенёс только что за последние пять минут от директора. С чувством облегчения покинул он кабинет директора. Волосы его были растрёпаны, весь красный, уши горят.

...Поздним вечером он драил полы. Ленка шла мимо.

– Вон там, в углу грязь оставил, – указала она ему, – три лучше, старайся, – с издёвкой приказывала она.

«Сметана» из-подо лба зло смотрел на неё. Он понимал, что это она доносит на него. Он не знал, как это она всё про него узнаёт.

* * *

Отец Серафим уже какое-то время топтался у школы, пока не прозвенел звонок с последнего урока. Детвора высыпала на улицу. Играла, резвилась. Время развлечений, учёба на сегодняшний день закончилась. Он увидел его сразу, как только тот появился в дверях. Он ни с кем не играл. Или, может быть, с ним никто не играл... Кому он интересен. Сын пьяницы. Ничего у него нет. С завистью вникает чужим домашним радостям: кому что купили, кто где в выходные был, кто куда на следующие собирается... Нечем ему было похвастать перед сверстниками. Попросту неинтересный. Он отделился от школы и шёл прямо на отца Серафима.

– Отец Серафим! – опешил пацан.

Священник стоял и дожидался его. В руках был большой полиэтиленовый пакет.

– На реку с собой возьмешь? – спросил он.

– Рыбу удить умеете? – поинтересовался малец.

– Попробую, – неуверенно говорил Серафим, – не всё же я при церкви был. Было время, я, как и ты, на реке пацаном промышлял. Время было голодное... – отец Серафим сообразил, что ляпнул лишнего, и скорей перевёл разговор на другую тему. – Удочки свои где прячешь?

– Там, – парень махнул рукой, – у реки.

Малец на реке днями пропадал не оттого, что интерес у него особый к рыбной ловле был, а оттого, что дома пьяная мамка покоя не даст. Пьяным воспитанием займётся. И ещё оттого, что дома есть нечего. Наловит рыбы. Нажарит, поест и сыт. Тут ещё, поближе к вечеру, как сумерки стуются, слазит в сады невдалеке, как хозяева по домам разойдутся. Нарвёт с пятток яблок и обратно. Ловили его несколько раз. Бывало, одни простят, а на другой раз в комнату милиции сдадут. Кому попадётся. Чаще отпускали. Иные понимали: что его судить – голоден, не наказывали. Щелки, где он в сады пролазил, только он знал, заборов не ломал, посадки не топтал.

– Пойдёмте, – предложил малец. Своим детским пониманием почувствовал искреннюю, отеческую заботу отца Серафима.

Доселе неизвестными отцу Серафиму тропками вёл его малец к реке. Непонятно как дорогу разбирал. С кочки на кочку, через болотину, не в обход, коротким путём. Малец весом, что лягушонок, кочки держат его, отец Серафим потяжелее, проваливается, все ноги промочил, но ничего, не жаловался, шёл за пацаном.

На сей раз он не к кустарнику не мелководье, а на крутой скальный берег, на глубину пришёл.

– Вчера просидел весь день на мели, хоть какая заблудившаяся бы клюнула, два пескаря, им-то чё нужно было, и те притихли, а мужики вчера тут сидели, окуньков по садку надёргали, – рассуждал малец.

Он привычно стащил ранец с плеча, раскрыл, что-то поворошил в нём, отыскал банку из-под майонеза, вынул из неё червя и наживил на крючок. Священник присел рядышком на корточки. И тут вспомнил о мешке, что таскал до сего времени за собой. С промоченными ногами, обеспокоенный завтрашней лихорадкой, он и вовсе едва не забыл о нём. «Так бы и унёс обратно, дурья башка», – посмеялся он про себя.

– Тебе это, – подал он его мальцу.

– Что там? – не понимал пацан.

– Посмотри, – говорил Серафим.

Парень взял пакет, раскрыл его и какое-то время рассматривал содержимое пакета. В сумке лежали новые вещи и немного еды. По-детски он был не готов к подобному.

– Зачем, – проговорил он. Совсем неожиданно для себя самого подал пакет обратно священнику. – Не надо.

Откуда-то всё то же детское понимание опять: церковь помогает бедным и беспомощным.

– Мы не бедные, – говорил он.

Серафим предполагал, что может обидеть парня подаванием, но думал, что так может случиться, если он принесёт старые, ношенные вещи, может быть добротные, но кем-то ношенные, во многом количестве приносимые прихожанами. В пакете лежали вещи, купленные сегодня. Купленные на его скудную зарплату. Они были новые. И, как ему казалось модные. Он покупал их на рынке. Приметив подобное на детях из благополучных семей. Священник растерялся больше мальца.

– Возьми, – попросил отец Серафим. – Это скорее мне нужно, чем тебе подарок, – сухо проговорил он.

Перед мальцом был священник. Как послушаться. С малых лет поп был для него чем-то непонятным, загадочным, совершенно отдалённым от того, многим большим чем то, где жил мальчик. Что-то обещающее для себя он видел в священнике. Пацан вытащил из пакета куртку – мечту многих его сверстников: тёплую, зимнюю, на пуху, с натуральным мехом оборки капюшона. Джинсы. Кроссовки.

Великоватые, к весне придутся в самый раз; и ещё в пакете был небольшой пакет с продуктами.

– Перекуси, – между прочим сказал Серафим.

Пакет имел в себе два яблока, два апельсина, булку, плитку шоколада и рогалик копченой колбасы. Он ел шоколад со вкусом... Не часто он его видел. Отправлял черные квадратики в рот и долго рассасывал их, растягивая удовольствие. Съел яблоко и апельсин. Остальное... Остальное он:

– Можно я это домой унесу, – попросил, – дома доем.

– Отчего же нельзя-то, – разрешил Серафим, – это же всё твоё.

– А вы что, не хотите? – неуверенно удивился он. Ему было непонятно: как можно не хотеть апельсины или тот же бутерброд с колбасой.

– Нет, – замотал головой священник, – брал-то я конечно же на двоих, видишь – всего по две штуки, но перекусил в церкви и теперь больше не хочу, – врал Серафим.

К колбасе и булке парень не притронулся, оставил на потом. Пацан аккуратно сложил вещи и продукты обратно в большой пакет. Махнул удилищем, булькнуло грузило, поплавок встал торчком и замер. На воде не было и ряби. На душе у двух человек на берегу стало у одного радостно, у другого спокойнее.

* * *

Он любил браваду. Его привычку трогаться с места с пробуксовкой, резко, так, чтобы камни летели из-под колёс, так, чтоб рёв двигателя на всю улицу, так, чтоб все знали – это он едет, подростки заметили уже давно.

Компания поклялась не давать ему покоя ни днем, ни ночью. Надолго он запомнит Дмитрия Холодова! Вынесли они ему приговор.

Этим днём он как всегда резко рванул свою «Волгу» с места. Автомобиль быстро набрал скорость. Спидометра для него не существовало. Он наслаждался скоростью. Как вдруг машина совершенно неожиданно врезалась в невидимую преграду. Всё случилось так молниеносно, что он и не понял, что произошло. Головой влетел в лобовое стекло и разбил его. После удара не сразу и в себя-то пришёл. С трудом разбирал действительность. Перед машиной ничего и никого не было. «Волга» медленно, по инерции катилась вперёд только на передних колёсах и издавала страшный скрежет. Задних колёс под ней не было. Мост остался далеко позади. От него тянулся толстый стальной трос метров сорока в длину до бетонного столба, задом к которому он всегда по обыкновению ставил машину. Мост был вырван из-под машины с корнями и маслом истекал на дорогу.

Недалеко над сараем торчало три головы. Они любовались своим злодеянием.

– Е-е-ес! – воскликнула Ленка, прыгнув с сарая. – Как мы его! А-то всё колёса, да колёса.

Неразлучная тройка «не разлей-вода-компания»: Ленка, Игорь и Олег были очень довольны собой. Они возвращались в детский дом. Их захлёстывали эмоции. Они бурно обсуждали свершившуюся месть.

– Пусть помнит Холодова! – в сердцах повторяла Ленка.

– Думаешь, он понял: за что его? – говорил Олег.

Игорь молчал, шёл и посмеивался.

– Ай! – ехидно махнула Ленка. – Всё равно пусть помнит. Что бы ещё ему придумать... – злорадно потирала она руки.

Никто не видел, как они тайком перед акцией покидали детский дом. Они так же сделали всё для того, чтобы их не увидели и по возвращению спустя три часа. Распахнув окно, они взобрались в читальный зал библиотеки. Комната всегда пустовала. Библиотека – не самое посещаемое детьми место. По целым дням тут никто не бывал. Захлопнув книги три часа тому назад, разложенные здесь на столах, они направились сдавать их библиотекарше.

– Начитались? – листала она сдаваемые книги в поисках порчи.

Библиотекарша была толстая, вредная, расфуфыренная и рыжая, и думала о себе, что она самая модная. Всю жизнь она работала на работах, где совершенно не надо было ничего делать. Сама пользы никому не делала и себе ничего не получила. Прожила жизнь, протирая табуретки. Ждала счастья и не дождалась. Как-то не липло оно к ней. Оттого и обозлилась тётка на весь белый свет. Оттого, что она там, и не любили ходить воспитанники детского дома в библиотеку. Кто только кто с ней повстречается, так уже через секунду ему начинало казаться, что он ей что-то должен. Взял и не хочет отдавать.

– Столы ровно оставили стоять, стулья составили? – злобно говорила она. – Я тут после вас порядок наводить не намерена.

– Всё нормально, – отвечал Игорь.

– Нормально, – передразнила она его. – Знаю я ваше нормально! Небось нацарапали гадостей на столах... Ну, не дай Бог – увижу что, – ворчала она.

Не отыскав в книгах никаких изъянов, она разочаровалась. Повода наказывать не нашлось. Она сгребла подмышку книги и направилась к стеллажам.

– Идите, – разрешила.

* * *

Тоскливым серым ранним утром промозглого осеннего дня к подъезду ветхого двухэтажного дома подкатила синяя пассажирская «Газель» с чёрными тонированными стёклами. Из машины вышла группа из четырёх человек: женщина лет тридцати и три крепких мужчины постарше. Форменная одежда мужчин придавала особую официальность их визиту. Даже со стороны виделось: вряд ли кому будет по душе подобная процессия, направляющаяся лично к нему. Замусоленная кожаная папка уже не понятного цвета в руках женщины, три здоровых лба в форме... Подобные компании не приходят с добрыми намерениями, скажем, для того, чтобы поздравить с праздником... Тем более если это происходит так рано, так неожиданно и врасплох. Группа людей прошла в подъезд, старая лестница скрипела и стонала под тяжёлыми ботинками. Топот ног разнёсся по всему дому. Перед одной из квартир второго этажа они остановились. Забывшая про покраску дверь, протёртый порог, засаленное грязное пятно вокруг дверной ручки. От двери, сквозь щели тянуло запахом смеси перегара, прокуренного помещения и спёртого, сырого воздуха. Этот синюшный запах наполнил весь подъезд. Женщина нажала на кнопку звонка. Тишина. Звонок не работал. Провод в полуметре от кнопки был перерезан. Дальше визитёры стали будить обитателей нужной квартиры стуком. Сначала тихо. Не дождавшись ответа из-за двери, они стали барабанить по ней кулаками. Ранним утром слышимость превосходная. За дверью послышалось движение. За ней явно кто-то был. И этот кто-то на цыпочках отошёл от двери, после чего вновь наступила тишина. Один из мужчин в форме вышел на улицу и встал под окном, дабы исключить возможность побега через него. За дверями было всё так же тихо. Стук в дверь продолжили более яростно.

– Если сейчас же не откроете, то мы вынуждены будем выломать двери, – пригрозила женщина.

Продолжали беспрестанно стучать, наконец послышалось шарканье тапочек об пол с другой стороны двери, и они услышали хриплый, заспанный женский голос:

– Чё надо?

– Откройте судебным приставам, – ответили ей.

– Чё надо? – она была так пьяна, что не поняла: кто пришёл и что от неё хотят.

– Откройте дверь, – приказным тоном сказала женщина с кожаной папкой.

– Щяс... – глухо проговорил пьяный голос за дверью.

Время прихода приставы выбрали не случайно. Опыт работы уже научил их. Когда, как не ранним утром можно застать в более или менее понимающем состоянии постоянно пьяного человека.

– Да где же они... Щяс! – кричала она, долго возилась у двери, ушла в комнату, где слышалось недовольное ворчание – она что-то бубнила себе под нос, кричала сына, никто ей не отвечал, она материлась, вернулась к дверям, принялась шарить по карманам, пока не послышался звон ключей.

– Щяс открою, – твердила она, долго не могла попасть ключами в замочную скважину, тупо тыкала в область замка и, наконец, попала. Послышался поворот ключа, и дверь распахнулась.

Расставив ноги на ширину плеч для пущей устойчивости, перед ними стояла пьяная баба лет сорока. На самом деле, судя по документам в папке, ей должно быть только двадцать девять. На одной её ноге надет шерстяной, вязаный носок, подшитый снизу грубой материей, прикрывающей дырявую потертость. На второй ноге носка и вовсе не наблюдалось, одни только хлопчатобумажные колготки с вытянутыми, обвисшими коленями. На голое тело надета выцветшая, вязаная кофточка былого зелёного цвета, превращённая временем и стиркой в цвет хаки. Местами распускающиеся зацепы прошиты черными нитями. Сбоку красовался след в виде треугольника от оставленного утюга. Распухшие с трещинами губы. Жирные в сосульки волосы. Сквозь щелки распухших глаз она смотрела на непрошенных гостей. Она разочаровалась. Это был кто-то чужой и не с водкой.

– Чё надо? – ворчала она, её ещё шатало, она держала себя за дверь.

Не дожидаясь приглашения, визитёры прошли в квартиру. Женщина остановилась перед ней. Раскрыла папку и достала листок с каким-то текстом, печатями и подписями. Размахивая бумажкой перед лицом, она говорила:

– Это постановление на лишения вас материнства. Где ваш сын? – спрашивала визитёрша.

– А я почём знаю, – она совсем не понимала, что от неё хотят, она силилась сообразать, и до неё лишь дошло, что они вовсе и не к ней пришли, а к сыну заявили. – Опять чё натворил? – спросила она. – Вчера был, вечером видала: убёг куда-то с утра, прощелыга.

Один из приставов подошёл к окну, отдёрнул штору, посмотрел вниз и остался доволен. Его коллега сторожил под окнами. Он вспомнил крадущиеся шаги за дверью. «Это была не она, – подумал он. – Он должен быть дома», – сделал он вывод.

– Он должен быть в квартире. Сбежать он не мог, – проговорил он.

Среди мужчин он был старший.

Комната в квартире имела привычный для приставов вид притона. Пол давно не мыт, его, может быть, если только подметали, и то – иногда, не чаще, чем хозяйка пребывала в трезвом виде. Со стен местами отваливалась штукатурка, обнажая решётку рёбер стен. Под потолком без люстры болтается на электропроводке одинокая лампа. Диван без покрывала, с подушкой и одеялом. Старый сервант с одной дешевой вазой на полке и разным непонятным хламом за стеклом. Стол. Два стула. Прожжённое кресло. Чёрно-белый телевизор в углу на табуретке. Провод вместо антенны тянулся к гардине, на ней – только тюль во всё окно. На кухне один стол с болтающейся дверцей и полная раковина невымытой посуды. В туалете выдававшая виды чугунная ванна. Нерабочий унитаз с трещиной на всю высоту. Нужда справлялась в ведро рядом и затем прикрывалась крышкой. По мере наполнения ведро выносили на улицу. В маленькой, дальней комнате порядка наблюдалось больше. Кровать заправлена бельём, не отбеленным, но стиранным, не глаженным, пожелтевшим, но чистым. Письменный стол, на нём стопка книг. В углу, под накидкой, подольская швейная машина. Шифоньер. На окне тюль и шторы. Прятаться в квартире было негде.

– Если в туалете удочек нет, то он уже на реке, – говорила хозяйка.

Она была сильно пьяна. На столе ещё стояла бутылка водки, початая наполовину. Шатаясь, она благополучно пересекла комнату наискосок к дивану. Совершенно не отдавая себе отчета о происходящем в её квартире, она завалилась на диван, поджала под себя ноги, натянула на голову одеяло, и уже через секунду по комнате разнеслось пьяное сопение.

Удочки были на месте – в туалете за дверью. Искать было негде. Старший из приставов направился напрямик к шифоньеру и распахнул дверцы. На плечиках висела старая, пока ещё не нужная зимняя одежда, под ней свален разный прочий хлам. Разворошив его с правого угла, он обнаружил сорокалитровую флягу. В левом он нашёл то, что искал. Андрей, сын спящей в беспмятстве в другой комнате пьяной бабы, одиннадцати лет от роду, свернувшись калачиком, прятался под тряпками. Его испуганные глаза дико стреляли с коротко стриженной головы.

– Вот ты где. Давай, выбирайся, – приказал он ему.

Без особого рвения пацан выбрался из шифоньера и вышел в большую комнату. Увидев его, пришедшая с папкой женщина изобразила на лице глубокое умиление и заговорила сладким голосом:

– Андрюшенька, – воскликнула она, – что ж ты прячешься! Мы же добра тебе желаем. Понимать должен... А ты прячешься. Мы сейчас с тобой поедем, и ты какое-то время, до своего совершеннолетия, будешь жить в другом месте, под присмотром государства.

Пацан склонил голову набок и, из-под бровей, с испугом, смотрел на неё. С ней он был знаком. Она уже не единожды беседовала с ним. Это была Татьяна Ивановна – инспектор детской комнаты милиции.

– Не хочу я жить в другом месте, – на глаза его наворачивались слёзы, он вытирал их рукавом, – я же ни чего не сделал! – кричал он.

Он бросал взгляды на диван, как на спасение, он искал защиты матери, но с дивана был слышен только пьяный сап.

– Там тебе будет лучше, – утверждала Татьяна Ивановна.

Она попыталась взять его за руку. Парень вырвался и кинулся к дверям. Путь ему преградил один из приставов. Он схватил его за шкуру, подкинул подмышку и понёс в «Газель». Пацан, как мог, сопротивлялся, брыкался, пинался, кусался, но справиться с силой взрослого мужчины не мог.

– Татьяна Ивановна, – умолял он, – я же не хулиганю, я исправился, у меня уже нет двоек, спросите у отца Серафима! – надрывался он. – Хочу дома, с мамкой! – он захлёбывался и бился в истерике. – Мне не будет там лучше! Я попрошу, мамка бросит пить, я уговорю её... я хочу с ней! – ревел он.

Пацана втолкнули в машину. Люди в форме забрались в неё следом за ним. «Газель» дала газ и уехала.

Надежда прошла мимо деда Федота, кивнула ему и уже было направилась к административному корпусу, как в спину ей прозвучало:

– Имею оперативную информацию, – докладывал дед Федот.

– На этот раз кто провинился? – повернулась и спрашивала она.

– «Пришибленный», – говорил вахтёр.

– Опять он! – удивлялась Надежда.

– Опять, – кивал дед.

– И?.. – спрашивала она.

– Вещи ему за сигареты и сладости младшенькие стирают, – отвечал Федот.

– Зараза... – тихо сказала она.

– Во-во, – кивал дед.

Надежда негодовала. В последнее время Сметанин доставляет ей слишком много хлопот. Это ей не нравилось. «Он чувствует моё покровительство. И нагло пользуется. Он же просто

использует меня, – шла и думала она. – Кто-то всё это на вид выносит. Кому-то он занозой сидит».

Вечером «Сметана» драил полы. Ленка шла мимо.

– Тряпку лучше полощи, – указывала она, – разводы вон, какие остаются, – заботливо замечала Ленка.

Не могла она пройти мимо и не съязвить. Выше сил её это было. «Сметана» с тряпкой ей бальзам на душу лил.

* * *

Весть о том, что в детском доме появился новичок, как и подобает закону физики, по которому живут звуки, разнеслась со скоростью звука. На новичка ходили посмотреть, как на товар. Оценивающе осматривали и уходили. Не принято в детских домах сблизиться на первых порах. Принято присмотреться, прицениться, да он и сам должен себе цену показать. Со временем только кто-то возьмёт его в свою компанию. Как обживётся. Как покажет себя. От того-то и будет зависеть его будущее в этих стенах. Не по своей воле он сюда попал, но выживать и считаться с местными порядками придётся. Неразлучная тройца так же незамедлительно пришла поглядеть на пополнение. Даже скучно. Ничего необычного. Одно и то же. Спившаяся мамаша, лишённая материнства. Сынок полный обормот. Таких, как он – полный детский дом. Ещё он поразил их. Вылитый «Сметана»! Рост, тот же овал лица. Противный и белобрысый. Бубнит что-то невнятное, бессмысленное. Даже походка – они его уже ненавидели – какая-то вкрадчивая и предательская. Какая-то уже натренированная.

– Хоть что-то путное бы появилось, – ворча, покинули они жилой корпус.

Они сидели на улице в беседке, когда увидели самого «Сметану». Тот шёл от административного здания. Заметив компанию, он хотел было свернуть в сторону и обойти их стороной, но поздно, его заметили:

– О, идёт! – брезгливо говорила Ленка. – Стучал на кого-то... вон, как светится.

«Сметана» старался идти непринуждённо, высокомерно, не обращая на них внимания, показать, что он их совершенно не боится, он неприкосновенен, он под крылом администрации. Кичился этим открыто. Но так увлёкся, что запнулся и едва не растянулся перед друзьями на асфальте.

– Чтоб ты лоб себе расшиб! – бросила Ленка.

«Сметана» ей что-то ответить хотел, но промолчал. Трусовато и молча он сдержал свою злость до лучших времён. Он обязательно им отомстит. «Придёт время. Я их проучу», – сверкал он глазами, охваченный бессилием.

– Чё зыркаешь!?! – не унималась Ленка. – Зенки повыпадут. Иди давай, там тебе дружка привезли.

Не могла она молчать при виде его.

* * *

С утра Надежда сделала все необходимые распоряжения и раздала все указания. К двенадцати у неё высвободилось время. И теперь он сидела в своём кабинете. До обеда оставалось ещё немного времени. Решив потратить его с пользой, она принялась за дело. Беспорядок в бумагах давно не давал ей покоя. Никому не нужные уже, отслужившие службу на ниве бюрократии листочки она комкала и бросала в корзину подле стола. Ещё нужные она складывала в папки, подшивала их или откладывала в сторонку до востребования. Она никого не ждала. Тем неожиданней оказался визит незнакомца. Он был разъярён. Она слышала его ещё задолго до его появления перед ней. Его крик доносился ещё с улицы, спустя какое-то время дверь рас-

пахнулась, и он влетел в её кабинет разъярённым быком. Толстый, потный, покрасневшийся, в дорогом костюме, белой рубашке, расстегнутой по вороту под ослабленным галстуком. Он махал руками и низвергал на окружающих нечленораздельные ругательства.

– Я им покажу, – рычал он, – они у меня увидят, где раки зимуют!! Никакого покоя от них нету! – возмущался пришелец.

Надежда отложила бумаги и спокойно смотрела на мужчину.

– Кто мне восстановит мою машину?! – ревел он. – Я её даже застраховать не успел! Ваши беспризорники меня разорили!!

– Сядьте, – жёстко попросила она. Её едва не вывело из себя поведение мужчины.

– Сядьте?! – взревел он на неё. – Да я сам их всех попересажаю! Одного посадил, и этих пересажу!!

– Сядьте! – строго прикрикнула на него Надежда, начиная терять над собой контроль.

Она узнала его. Это был тот коммерсант, которого когда-то обокрал Холодов.

– Сядьте и объясните, пожалуйста, – сдерживала она себя, – в чём, собственно, дело. Что случилось?

– Стучилось! – рычал он. – Да они уже у вас совсем обнаглели! Мало того, что они по три раза в неделю колёса прокалывают, сразу все четыре зараз, – он махал руками, брызгал слюной с матом через каждое слово, – сегодня моё терпение лопнуло!! Они подчистую уничтожили мою машину! Я её только неделю как купил! Кто мне её восстановит?!!

Многоярусный мат дополнял колорита в негодование мужчины. Надежда не выдержала:

– Я попрошу вас контролировать свой лексикон, – попросила она сдержанно, – всё-таки здесь детское заведение, а не пивная.

Посетитель, не спрашивая, совершенно бесцеремонно схватил со стола графин, налил в стакан воды и осушил его одним махом. Пододвинув под себя стул, сел, склонил голову и снизу вверх спрашивал Надежду:

– Кто мне восстановит мой автомобиль, я вас спрашиваю?

Надежда выслушала мужчину. Он вызывал у неё отвращение.

– Не обязательно, что это были мои воспитанники.

– Кто же ещё! – вспыхнул он.

– Мало ли, – пожала она плечами.

– Дык они ж, – заикался он, – наглые, наблюдали, умилялись, когда у меня мост вырвало!

После чего скрылись. Их же видели!!

Надежда постукивала колпачком ручки о стол.

– Как они выглядели? – спросила она.

– Два крепких парня и конопатая девка, – отвечал мужчина.

«Компания Холодова», – поняла Надежда.

– Я разберусь, – заверила она. – Заявление подавать в милицию будете?

– Уже подал! – бросил он.

– Хорошо, – кивнула она, – в таком случае попрошу меня больше, пожалуйста, не отвлекать от дел по этому вопросу, – давала она понять мужчине, что разговор окончен. – Милиция разберётся.

Надо отметить, что претензии к её воспитанникам не совсем беспочвенны, даже правомерны. Это – очередное ЧП в её заведении. Тень на неё – как на плохого руководителя, ничёмного педагога. Это её беспокоило больше всего. Недоглядела. Со стороны приходшего не прекращались ругательства без разбора, теперь уже и в её адрес.

– Их надо держать в ежовых рукавицах, – кричал он, – не занимаетесь детьми! Пораспустили их тут! У меня бы они шага боялись ступить! Наберут директоров!! Не хотят работать! За что деньги вам платят!

Выслушивала она молча.

– Оставьте, пожалуйста, мой кабинет, – наконец спокойно попросила Надежда.

Только к концу разговора она отчётливо различила, что у мужчины с психикой не совсем всё в порядке и стала вести себя подобающе сложившейся ситуации.

– Если виноватые есть, заплатим, – уверяла она.

– Заплатят они... – ворчал посетитель.

– У меня много дел, – намекала Надежда.

Нежелательный посетитель хлопнул дверью и ушёл. Надежда перевела дух. Она устала от общения с ним. Недолго сидела, о чём-то размышляя, после чего попросила секретаря вызвать к ней всю подозреваемую компанию.

Их нашли быстро. Только за ними закрылась дверь, Надежда спросила:

– Это что за выходки? – сурово сверлила она их взглядом.

– Какие выходки? – спросил Игорь.

– А вы не знаете? – усмехнулась она их наглости.

– Не знаем, – спокойно говорил Игорь.

Друзья дружно пожимали плечами.

– Мстить задумали... – она встала и подошла ближе к детям.

– Кому? – говорил Олег.

Она прошлась вдоль кабинета туда-обратно и остановилась.

– Ну, хватит! – ударила ладонью по столу. – Кто теперь восстановит повреждённую вами машину? В тюрьму захотели? Вслед за своим дружком? Вас видели! В милиции уже есть на вас заявление.

– Какую машину? Какое заявление? – не понимали дети.

– Вы тут из меня дурочку-то не делайте! Где вы были сегодня утром?

Уверенность детей все же смутила её.

– В библиотеке, всё утро, в читальном зале, – в один голос отвечали они. – Спросите у Нины Фёдоровны.

– Я спрошу, я-то спрошу! – совсем ничего не понимала она. Надежда была твёрдо уверена, что месть коммерсанту – это их рук дело. – Я так с вас спрошу!

Она открыла дверь и с порога приказала:

– Вызовите ко мне Нину Фёдоровну.

Дети виновато переминались с ноги на ногу. Весь их вид говорил за них. Они совершенно не понимают, о чём идёт речь.

– Ох, если это вы! – трясла она перед ними указательным пальцем. – Вы у меня поплачете! Ишь чё, мстить они вздумали!

– Да не мстили мы никому! – вставила Ленка.

– Не мстили, – передразнила её директор. – Выясним вот, мстили или нет...

Дверь отворилась и в кабинет вошла Нина Фёдоровна.

– Были они у вас сегодня? – тут же спросила её директор.

– Как же, всё утро штаны протирали.

Говорила она с таким видом, словно сегодня они помешали случиться чему-то очень важному в её жизни, и что это очень для неё важное теперь из-за них не случится больше никогда. Должно было исчезнуть то, что до сей поры мешало ей жить. И теперь уже не исчезнет. И всему виной – они. Эти, ещё пока недочеловеки. От неё прямо таки излучалось: эх, если бы не их сидение в библиотеке... Она так выразительно подтвердила их алиби, что даже дети заулыбались. Надежда же пребывала в замешательстве.

– Хорошо, вы свободны, – отпустила она её.

После ухода библиотекаря надежда прошла к себе за стол и, не смотря на детей, произнесла:

– Вы тоже.

«Даже если это всё-таки они, – думала она, – то против этого алиби не устоит никакое обвинение».

Скрип тормозов отвлек её. Она выглянула в окно. У ворот стоял милицейский уазик. Два милиционера шли к ней по аллее.

* * *

Поместите в железную бочку несколько крыс. Самая сильная съест других. Так выращивают крысоеда.

Воспитанники присматривались к Андрею с расстояния. Не отталкивали и не приближали, любили и не любили, уважали и не уважали, понимали и не понимали, «навидели» и ненавидели. Относились – никак. Присматривались... Просто оттого, что он есть такой... Уж совсем какой-то неинтересный...

Андрей и не стремился с кем-то сойтись. Привык... Он всегда был один. Одиночество не было для него чем-то новым. Пристальные взгляды не смущали. Он далёк от многого, чем они жили. Впрочем, тоже для него не явившегося чем-то новым. Просто, здесь всё виднее. Достать покурить, нанюхаться клея, выпить водки, украсть, накуриться анаши, попробовать наркотик посылнее. И потом бравировать тем, что он пробовал запретное. Смог попробовать! Вот я какой! Всё это он и дома видел, но там оно как-то расплзлось по поверхности и было не так заметно. Здесь всё это всплывало где угодно. Стремления жить тем же у него не было.

Щемило детское сердце. Снились мать и река. Их отобрали. Рукой подать. За забором. Не достать. Теперь всегда должен жить по расписанию, по порядку, ходить на собрания, после которых ничего не меняется. Бесплезные линейки. Называть семьёй то, что семьёй никогда не считал и считать никогда не будет. Должен! Не понятно кем сделанный для него долг... Должен быть благодарен за это. Должен с утра до вечера, и ночью – тоже. Сверстников, что вокруг, он не боялся. Будут бить, за своё буду зубами грызть. Чужого не трону. Он этого не помнил, но мамка говорила, что так ему говорил папка, когда ещё был жив. Не помнил, но верил и чувствовал. Хотел верить, что он так говорил. Навещал отец Серафим, непременно с гостинцами. Часть Андрей съедал сам, частью угощал, – безразлично кого, кто оказывался волей случая рядом, кому повезёт. Часть припрятывал.

За забором шли день за днём...

...Андрей ел медленно, дождался, когда за столом никого не останется, быстро сложил котлету, хлеб и булочку в приготовленный заранее пакет и спрятал всё это за пазухой. Никто не видел. Он ещё раз огляделся по сторонам – никто. Видела конопатая девчонка, она сидела через несколько столов от него, но он боялся воспитателей, девчонку в расчёт не брал. И напрасно...

Спустя полчаса Ленка уже рассказывала об увиденном Олегу и Игорю:

– Этот – «Сметана» два, – возмущалась она, – не наедается. Смотрите-ка, какая цаца. Привык дома сколь угодно и когда угодно. Ещё с наглой рожей со стола тащит. Весь оставшийся хлеб со стола сгрёб, обжора! – негодовала она. Он так напоминал «Сметану», что её ненависти не было предела. – С общего стола воровать! – не могла успокоиться она.

– Его надо проучить, – говорил Олег.

– Надо, так проучим, – соглашался Игорь. – Вечером.

– Мы его так накормим! – предвкушала уже вечер Ленка. – Навек забудет, как со стола воровать! Уж я подготовлюсь! – пообещала она.

За ужином всё снова повторилось. Хлеб, сосиски и печенье исчезли за пазухой у Андрея. Компания наблюдала за ним. Для того, чтобы проучить новичка, у них уже всё было готово.

Они поймали его возле лаза в заборе в тот момент, когда он собирался покинуть территорию детского дома.

– Эй, оголодалый! – окликнула его Ленка.

Он остановился. За спиной конопатой девчонки стояли два крепких спортивных парня. Андрей молчал. Хорошего от них ждать не приходилось.

– Чё молчишь? – надвигалась она на него.

– Крыса! – сказал Олег.

– Я не крыса, – ответил Андрей.

– Крыса! – неприятно-спокойно утверждал Игорь.

Андрею стало не по себе оттого, что они так о нём думают. Однако он не мог сказать им и правды. Отчего он ушёл в себя и замолчал.

Компания обшарила его. Нашла котлету, сосиски, хлеб, печенье и невесть откуда ещё и шоколад. Заставили его съесть всё это у них на глазах. В руках Ленки был пакет. Из него она извлекла литра на три кастрюлю, до краёв набитую кашей, две буханки хлеба и две полутора-литровые пластиковые бутылки с чаем. Так Ленка приготовилась преподавать урок новенькому. Всё это они заставили его есть прямо сейчас. Его правда мешала ему. Ему было стыдно. Он не знал детдомовские законы и порядки. По щекам текли слёзы. Он ел. Его рвало... Он снова ел... Он давился и ел... Бледный. Его тошнило.

– Это стол, с него едят, – назидательно утверждала Ленка. – Будешь ещё со стола таскать?

– Нет, – обещал Андрей, теряя сознание.

Им нужен был повод, и они нашли его. Удовлетворённая уроком, который она преподавала новичку, компания удалилась.

Андрей остался сидеть на земле. Рядом валялась пустая кастрюля и две пластиковые бутылки. Чуть в стороне облёваны кусты. Он откинулся на забор и плакал от бессилия. Горечь переполняла его. Ещё горше было оттого, что это теперь был его дом. И так будет надолго...

* * *

Ранним утром Надежда направлялась напрямик к деду Федоту. Склонившись к окошечку, она спросила:

– Ну?

Дед Федот сидел к ней спиной. Он швыркал горячим чаем из блюдца, прикусывая его комковым сахаром.

– Дань берёт с младшеньких, – сказал он.

– Что-то новенькое, – удивлялась она.

Дед Федот швыркал чаем и не поворачивался.

– Мелкие в электричках промышляют, попрошайничают. Он с них дань берёт. За то, что вам не докладывает. Двадцать процентов берёт, – выкладывал старый опер.

– Убью! – вырвалось у неё.

– Во-во, – соглашался дед Федот.

* * *

Вечером после тренировки компания собралась в беседке по событию. Они получили письмо от Холодова. Извлекли письмо из конверта и кружочком читали:

Салам-папалам! Привет, братцы! Привет, Ленка!

Получил от вас желанную весточку. Молодец, Ленка, как обещала – каждая строчка заполняет воспоминаниями. У меня все по накатанной. Тут тоже жить можно. Что там забор, хоть и без колючки, что тут клетка. Отличий особых я и не заметил. Все одно – и там люди, и тут люди. Скучно, быстрее бы увидеть вас. С администрацией я опять почему-то не поладил. Наверное, оттого, что стучать не стал... Очень просили... Пишу так открыто и не боюсь, потому что знаю, письмо мое получите. Я его, минуя читку, через «вер-

тухая» отправляю. Кушать везде хотят, немного конфет детишкам, и письмо уже в дороге. К тому же еще я его на адрес Алексея Владимировича послал. Он вам его на тренировке и отдаст. Кстати, он вас хвалит. Он мне тоже часто пишет. Говорит, успехи ваши заметные. В каждом письме вас хвалит. Пишет только, что Олег ленится. Вес набирает. Вес в боксе, это хорошо. Ты, Игорь, проследи, пусть кушать не прекращает, чтоб ел так же, как при мне, я то помню: ел без меры – как аллигатор. Ха-ха! Пусть ест, только что бы в пользу было. Гоняй его на тренировках, чтоб жирок не образовывался, на мышцу его эсвательный аппарат должен работать. Гоняй без меры, так же, как ест он. Тебе говорю это, потому что ты посерьезнее этого шалопая. Ха-ха! Шучу, Олег, не обижайся. Ленку в обиду не давайте. У нас два солнышка – она, и на небе. Берегите ее...

– Ага, – воскликнул Олег, – дашь её в обиду.

– Не говори, – усмехнулся Игорь и продолжал разбирать каракули в письме:

...Проследите, чтоб одежда на ней была самой лучшей в детском доме среди всех девочек. Она это заслужила...

– Отстал от жизни, – снова встретал Олег, – ей только волю дай. Прошлым днём она сама мне такую рубашу подкинула. Где взяла?

– Где взяла, там её уже нет, – бросила Ленка. – Не мешай.

От неожиданной такой тёплой заботы от старших друзей лицо её зарделось, она зарозовелась, веснушки под розовым попрытались. Плечики приподнялись. Внимание куда-то потерялось. Глазки улыбались. Юное, девичье «я» порхало.

...А о тех приветках, о которых вы мне постоянно пишете, которые вы постоянно шлете всем моим недоброжелателям. Как-то они у меня из головы не выходят. Думаю вас просить о следующем: прекратите и простите их. Приветками ничего не решишь. Они не поймут, а еще одно зло родилось. О себе думайте. Их и без вас Бог обидел. Надо ж было такими на свет уродиться! Ха-ха. Пусть живут, как живут, это их жизнь. Не уподобляйтесь. Они не виноваты, что они такие. Простите их.

Вот еще, вспомнил, чуть не забыл. Вы мне писали, что появился, как его Ленка называет, «Сметана-два». По письму вижу, вы его уже заранее приговорили. Но то, что он на «Сметану» похож, это еще не о чем не говорит. Присмотритесь. Раньше времени на него не стоит ярлыки навешивать. Знаю я вас! Дров наломать всегда успеть можно. Сначала разберитесь. А он, «Сметана-один» – тот еще тип. Но и снаряд в одну воронку два раза не падает. Ха-ха! Имейте это ввиду...

– Сколько каши сожрать? Видел бы он его, – перебила Ленка, – проглот, копия «Сметана», убила бы! – И рассмеялась.

...На этом буду заканчивать свое короткое к вам послание. Надеюсь на недалекую встречу. Не залетайте. Не доставляйте удовольствия вас наказывать. С вами Бог! Бог им судья. Обнимаю, жму руку! Ваш друг и брат Димарик.

С уважением – Я!

* * *

Через пролом в заборе сначала пролез новичок. Оглядываясь, он в спешке удалялся от детского дома. Прошло немного времени, и в этот же самый пролом пролезла конопатая Ленка. И так же, в том же направлении, торопилась скорее скрыться из вида. Она заметила, как новичок сегодня в столовой снова украл продукты со стола. «Неймётся ему! Ладно, посмотрим!» – негодовала она. Сегодня был день тренировки. Поэтому её друзей с ней не было. В одиночку она задумала проследить за новеньким. Она не видела и, скорее, даже и не ожидала, что в это же самое время, следом за ними, через тот же самый пролом выбрался ещё один человек – «Сметана». По их следам он торопился тоже. Попадись и его накажут. Делай. Не попадайся. За

это его, может, и ценила Надежда. Торопился он ещё и из боязни упустить следящую друг за другом парочку. Ему-то это наблюдение как раз-то и приходилось в самый раз на руку. Стремление отомстить закадычной компании его не покидало никогда. И тут – такая удача. И теперь: Андрей шёл по каким-то своим делам, за ним, соблюдая конспирацию, следовал Ленка, за ней, совсем без всякой конспирации потому, что она и подумать о слежке за собой не могла – «Сметана». Он даже насвистывал мелодию, не боясь быть замеченным. Настроение его было хорошее. Друг за другом троица пересекала весь город. Андрей, петляя, шёл улицами и закоулками, через пустырь, вроде как следы запутывал, на самом деле шёл путями короткими, экономил время. «На речку бы забежать», – мечталось ему. Но никак. Успеть нужно вернуться. Заметят, наказания не избежать. «В следующий раз как-нибудь», – решил он. Город он хорошо знал. В то время, когда дома жил, весь город вдоль и поперёк избегал. Дойдя до дома, он поднялся в свою квартиру. Пока тот поднимался на второй этаж, Ленка забежала в подъезд и на слух определила, в какую примерно квартиру он пришёл. Ей ничего не оставалось, как подслушивать под окнами. Она безошибочно определила нужное окно и слушала:

– Сынок! – услышала она. Возглас матери утонул в пьяном гаме. – Ты что, опять сбежал? – спрашивала она. Ленка едва различала слова.

В квартире шла пьянка. Громкие разговоры, споры, ругань – кто о чём. Возбуждённое пьяное сознание – кто в лес, кто по дрова. Что на уме, о том и говорим. О таких семьях Ленка много слышала. Пьют круглыми сутками, допиваются до ручки, потом пьют от безысходности. Таких, как новенький, в детском доме пруд пруди. Вагон и маленькая тележка. А видеть таких семей сама – не видела. Её беда в другом. Без беды в детский дом не попадают. Родители её на машине разбились. С дачи ехали. Родственники её не взяли. Вот в детском доме и оказалась. Счастливые дни теперь только снятся. Мама блины печёт... Папа на шее катает, или на спине... «И-и-го-го» кричит. Куклы в кроватках... Даже ей, ещё не взрослой, стало жаль новенького. И мать жива, и как нет её.

Слышимость была никудышная.

– Пойдём в другую комнату, – попросил новенький.

Ленка тоже перешла от одного окна к другому. Двери в комнате они за собой притворили, пьяные голоса притихли, форточка немножко открыта, тем чётче под этим окном различались голоса новенького и его матери. Скрипнула сетка, кто-то сел на кровать. Шелест развёртываемой бумаги. Дробный стук о стол дешёвой, без фантиков, карамели. «Сегодня их давали на ужин», – сообразила она.

– Это тебе, мам, – говорил новенький. – Не носи им, – просил он.

...Затянулось продолжительное молчание...

– Зачем ты, сынок... – послышалось наконец.

– Мне хватает там, – говорил сын, – нам там много дают, остаётся...

Ленка не видела, только редкие всхлипы доносились сверху. Пьяная мать сидела в обнимку со своим сыном. Он по-детски прижимался к ней. Текли слёзы, и они оба шмыгали носами.

– Ты ж мне душу всю клочками рвёшь, – встала она.

– Не пей, мам... Они вернут меня! Я домой хочу! – просил он.

Она промолчала.

– Коли просто было бы... – говорила она через время.

Она вытерла слёзы. Глаза от них были красные. Её пошатывало. Она прошла к гостям. Подошла к столу. Сын стоял позади в дверях.

– Уходите, – попросила она.

– Куда? – возмутились пьяные голоса. – Не на улице же пить, не май месяц, холодина такая! – просились они остаться.

– На улице допьёте, – настаивала она, – не видите, у меня сын пришёл.

– Что теперь, свет клином сошёлся? Сын пришёл! – возмущался кто-то.

Гости нехотя засобирались. Своё недовольство кто как выражал. Кто под нос, кто выговаривал. Недовольные, что её обормот не дал им допить, они сгребли всё спиртное со стола и вскоре покинули квартиру. Андрей заметил перемену. Раньше бы она их не выгнала. Мать села на край дивана. Водку собутыльники унесли всю с собой. Она слила в один стакан разлитое и не выпитое ими. Получился целый стакан. Опрокинула его залпом, и прилегла на диван. Из её стекленеющих глаз бежали слёзы.

– Тоже уходи, – попросила она. – Не бей душу.

Он продолжал сидеть, он соскучился по ней, он держал руку матери в своей руке. Она уснула. Он немного ещё посидел и ушёл. Могут хватиться.

Ленка возвращалась вперёд. Она не сдержалась. Она ревела навзрыд. Новенький казался ей счастливым. У него есть, кого любить. Ему есть, о ком заботиться. Она прятала глаза от встречных прохожих и бежала к детскому дому.

Мать не уснула. Она только делала вид, что уснула. Как только стихли шаги сына в коридоре, она открыла глаза. Долго смотрела сквозь пространство. Отчаянно схватила пустую бутылку и швырнула её в стену. Стекла рассыпались по всему полу и напоминали ей её слёзы. Она хотела встать и закрыть двери на замок, но локти её провалились и она, наконец, уснула.

* * *

– Я случайно увидел, смотрю, он конфеты в карман складывает, сосиски в пакет и тоже в карман, весь хлеб несъеденный со стола собрал, – докладывал «Сметана», – думаю, что-то тут не чисто, стал следить. А он после ужина сквозь забор и на волю. Хотел за ним идти, тут у дырки я чуть с Ленкой конопатой лоб в лоб не столкнулся. Вовремя у кустов присел. Она меня не заметила. Гляжу, а она-то тоже за ним следит. Ну, тут и я за обоими. Он как по лабиринту, переулками петлял. Я их уж было...

– Давай покороче, – перебила она, – меня уже ждут.

Сметанин появился совсем не вовремя. Надежда торопилась. Она уже опаздывает в милицию. Сегодня будут очные ставки с пенсионерами, видевыми детей на месте порчи автомобиля. В то же время Сметанин никогда не приходил с пустым. Опять эта компания. Вернее, член этой компании. Что с девкой случилось. За последнее время она слишком много напоминает о себе. Ещё год назад скромница, прилежная ученица, не имела нарушений. Не слышно и не видно было. Теперь – что? Правду говорят – в тихом омуте черти водятся. Она взглянула на часы. Времени уже было в обрез.

– Я и говорю, – осёкся «Сметана», – домой он к себе сбегал, полчаса там побыл и обратно. Ленка, та вперёд него вернулась. Чё ей от него надо было, ума не приложу?.. – пожимал он плечами.

– Хорошо, молодец, иди, – приказала она.

«Вот новость, этого ещё не хватало! Дети уже начали продукты пьяницам таскать», – думала Надежда. Она задержалась ещё ненадолго. Вызвала к себе воспитателя и приказала наблюдать за новеньким. После выбежала на дорогу и поймала такси.

Следующим днём у забора детского дома была замечена женщина. Выглядела она очень бедно. Зелёный однотонный тканый шерстяной платок, косынкой подвязанный, прикрывал жирные рыжие крашенные волосы. Серое в мелкую ёлочку осеннее пальто висело на ней как на вешалке. Или женщина за последнее время сильно похудела или же оно с другого плеча. Коричневые хлопчатобумажные колготки. На ходу подол пальто распахивался, и мелькали вытянутые колени. На ногах дешёвые боты из кожзаменителя на каблучках. От женщины несло перегаром. Она ходила вдоль забора и ждала, беспрестанно выглядывая кого-то за кустами у забора.

Надежда стояла у окна и заметила её, занятая своими делами; сначала она не придавала значения увиденному. На днях у неё должна состояться плановая проверка. С проверкой будет Сам из гороно. Вчера у неё отлегло от сердца. Пенсионеры не указали на компанию. Пожалели или и правда – не они. Тем не менее, ЧП получилось избежать. И всё же могут обнаружиться мелкие недочёты, но это не в счёт. Их всегда находят. Слишком хорошо – тоже плохо. Для профилактики пожурить всегда найдут за что. Чтоб не расслаблялись. Поэтому она не боялась результата проверки. Так, присутствовал лёгкий озноб от предстоящей суеты. Она вызывала к себе сотрудников и рекомендовала устранить ещё имеющиеся место быть недочёты. Через полчаса она снова стояла у окна. Женщина всё так же ходила вдоль забора. «Что ей тут нужно?» – подумала она. Сейчас её насторожило нездоровое любопытство женщины по отношению к забору не у ворот, а там, где её не видно со всех сторон. Надежда видела только потому, что её кабинет находился выгодно на высоте. Больше ни дед Федот, ни кто-либо другой видеть женщину не могли. «Это что ещё за номер?» – возмутилась Надежда. Через минуту она увидела совсем уже удручающее. От забора к женщине бежал белобрысый воспитанник. Новичок, которого недавно определили в её детский дом, радостно бежал к своей матери. «Вот оно что!» – взорвалась она. Надежда тут же вызвала воспитателя, которому днём раньше поручила наблюдать за новеньким. Слова Сметанина – это одно, его выдавать нельзя, новенького нужно поймать с поличным. Вот как, значит, выполняются её поручения! Она пребывала в диком бешенстве.

– Я вам поручала наблюдать за новеньким! – с порога набросилась Надежда на воспитателя.

– Я глаз с него не спускаю, – ничего не понимала воспитатель.

– Где он сейчас? – спрашивала Надежда.

– Отпросился в библиотеку, – отвечала воспитатель.

– Подойдите сюда, – попросила Надежда.

Она приглашала её к окну. Под окном, вне территории, за забором детского дома, сквозь ветви, освободившиеся уже от листьев, отчётливо различались два человека. Женщина и новый воспитанник. Ребёнок что-то хотел передать ей, та отказывалась. Он настаивал. Женщина сдавалась и положила свёрток в карман.

– Это что, по-вашему, библиотека? – спрашивала Надежда.

– Но... – начала было воспитатель.

– Что – но?! – перебила её директор. – Знаете, что вы сейчас увидели?

Воспитатель окончательно ничего не понимала. Всему детскому дому, всем без исключения известно, что детей, у которых имеются родители, последние посещают тайно. Негласно. Это было обычным делом. На подобные вещи всегда смотрелось сквозь пальцы. Воспитатель отказывалась понимать директора. Она не видела в сложившейся ситуации той проблемы, от которой мог отталкиваться такой, столь категоричный тон. Словно вдруг небо свалилось на землю.

– Мать, – робко говорила воспитатель.

– И всё!

– Всё, – пожимала плечами воспитатель.

– Этот новенький уже который день таскает ей продукты из столовой. Что вы только что и видели.

Воспитатель от удивления раскрыла рот. Надежда продолжала:

– И меня, – и как директора и, в первую очередь, как человека задевает за живое то, что продуктами с того стола, который предназначен для того, чтобы напоить и накормить детей, закусывают водку пьяницы, бомжи и разного рода конченные и никчемные личности. И ещё меня задевает то, что это происходит в том заведении, которым руковожу я!

Надежда едва не сорвалась на крик. Виновато хлопая глазами, воспитатель произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.